Моя (не) на одну ночь. Бесконтрактная любовь

Автор:
Тала Тоцка

Моя (не) на одну ночь. Бесконтрактная любовь

Тала Тоцка

Он – богатый, циничный, взрослый мужчина. С женщинами заводит отношения, предлагая им контракт и определенные условия.

Она – молодая девушка, хирург, спасает ему жизнь дважды. И когда он предлагает ей контракт, она…

Тала Тоцка

Моя (не) на одну ночь. Бесконтрактная любовь

Глава 1

– Так что ищи себе отрицательного мужика, Оль, – Анфиса методично покрывала гладкую бумажную поверхность мелким, убористым почерком. Уже два листа исписала, а все никак не могла остановиться, – одной проблемой меньше будет.

– Они все отрицательные, – проворчала Ольга, сползая с кресла. – Был бы мой резус-фактор самой большой проблемой, и проблемы бы не было.

– Это точно, – со вздохом кивнула Анфиска, врач-гинеколог репродуктивного центра, в котором Ольга стояла на учете. – И я не перестану повторять, что в

твоем случае идеальным выходом будет ЭКО.

Она в каждое ее посещение это говорила, и Ольга каждый раз отвечала одно и то же.

– Нет, Анфис, я пока не готова.

– И как ты готовиться собираешься? – ехидно поинтересовалась Анфиска. – Тридцатник на носу, не девочка уже, чтобы под Ассоль косить.

– Но не от первого встречного же!

– А почему нет? Лишь бы у этого встречного была хорошая генетика. Бери любого мало-мальски подходящего и тащи сюда в репродуктивный центр.

– У ребенка должен быть отец.

– Я тебя умоляю! Вон у моих он есть, а толку? Сама кручусь, на трех работах вкалываю, а Витьке чихать на все с высокой горки.

Это была правда. Пока Анфиса умудрялась вести прием в трех разных клиниках, чтобы поднять двоих детей, ее муж Витя жил, абсолютно не напрягаясь. И это еще Анфиска не знала про бесконечных любовниц! А может и знала, но Оля в любом случае не собиралась ее посвящать в интимную жизнь собственного мужа.

– Я тебе так скажу, если есть кто на примете, не щелкай рубильником. Бери за причинные места и тащи к нам. Мы его бегом от сперматозоидов отделим, опомниться не успеешь, как возле песочницы с другими мамками будешь цвет детских какашек обсуждать.

– Но при аутоимунном бесплодии есть вероятность зачатия естественным путем, ты сама говорила, – продолжила сопротивление Оля, впрочем, довольно вялое. Сопротивляться напору Анфисы было непросто.

Однако от одной лишь мысли о редукции эмбрионов, неизбежной при ЭКО, становилось муторно и тошно. Особенно убивало, как рутинно и буднично

отзываются об этой процедуре сами репродуктологи. А ведь, по сути, за холодным медицинским термином цинично скрывается самая что ни на есть настоящая отбраковка.

Оля сама врач, но одно дело грыжу удалить ненужную, и совсем другое – хладнокровно распорядиться, кто из прижившихся внутри малышей останется жить, а кто отправится на помойку.

Сразу же вспоминалась младшая сестра Данка и племянники. Фантастическая двойня – Никитка и Настя. И у Ольги внутри все леденело, стоило представить, что можно было кого-то из них двоих «редуцировать».

– Есть, – кивнула Анфиса, – если у нашего осеменителя-натурала сперматозоиды будут в Пандорских защитных скафандрах. Чтобы твои антиспермальные тела не смогли их обездвижить.

Оля вспомнила, как выглядят Пандорские скафандры, и вздохнула. Фильм «Аватар»[1 - «Аватар» – фильм Джеймса Кэмерона, 2009 г.] она смотрела не один раз, но от этого фантастикой он быть не перестал. А последнее обследование показало, что уровень антиспермальных тел, которые синтезировала ее имунная система, и не думал падать. Мало того, он даже слегка подрос.

– Ты знаешь о моем отношении к ЭКО, – глядя в стенку сказала Оля. Но Анфиса не собиралась сдаваться.

– Ладно, фиг с ним, с ЭКО, а чем тебе не подходит внутриматочная инсеминация?[2 - Внутриматочная инсеминация – вспомогательная репродуктивная технология.] Берем мужика, берем шприц, и вуаля, – Анфиска хлопнула в ладоши и развела их в стороны, – через девять месяцев пожалуйте в роддом!

Оля представила себе, как предлагает воображаемому мужчине пройти подобную процедуру, и содрогнулась. Особенно, когда поняла, кого вообразила. Попутно в сотый раз упрекнув себя, что снова забыла поискать в архивной истории болезни, какая у него группа крови.

– Так что мой тебе совет: ищи отрицательного мужика и дуй к нам, – повторила Анфиса и строго взглянула поверх очков. – Бегом!

Ольга кисло улыбнулась и поспешила проститься.

* * *

Выйдя из здания центра, Оля сразу направилась в кофейню за угол запивать свое горе вкусным кофе и заедать «Наполеоном». Она перепробовала любимый торт, наверное, во всех кофейнях города, но здесь его готовили просто божественно.

Когда официант принес заказ, Ольга несколько раз с удовольствием втянула кофейный аромат, а затем от души поблагодарила мироздание за то, что кофейня вместе с репродуктивным центром находится на другом конце города.

Слишком хорошо она усвоила курс биохимии о быстрых углеводах. А особенно то, как молниеносно они откладываются в подкожный жир на животе и боках.

Но раз в пару месяцев побаловать себя можно, тут совесть могла взывать сколько угодно – после посещений репродуктивного центра Оля оставалась к ней глуха и слепа. Самое подходящее состояние для размышлений.

У нее не было оснований сомневаться в Анфискиной компетенции – доктор с красноречивой фамилией Траханкова была достаточно известным и уважаемым в городе специалистом. И заслуженно гордилась своим опытом, квалификацией и фамилией.

– Это не просто фамилия, она для меня уже как визитная карточка, – говорила Ольге, – хоть что-то путное с Траханкова поимела!

За эти годы они с Анфиской перешли в зону приятельских отношений, и Оля очень ценила, что та ни разу не вспомнила «биологические часики», которые «тикают». Но это совсем не означало, что о них не вспоминала Оля.

Отрезая кусочек умопомрачительного слоеного удовольствия, пропитанного нежным заварным кремом, подумала о Пандорских скафандрах. Судя по их бездетному браку с Богданом, у бывшего мужа с подобными доспехами явно имелись проблемы. Наверное, поэтому первым на ум приходил не он, а совсем

другой мужчина.

Оля вздохнула. Перед собой можно и не прикидываться. Этот всегда на ум приходит, даже не так. Он оттуда и не уходил, его разве что метлой можно выгнать, и то ненадолго. И это было особенно обидно, потому что у него как раз дети есть.

Пятеро сыновей, и все от разных женщин. Так может, Костя Аверин и есть обладатель бронированных Пандорских защитных скафандров? А его сыновья – прямое следствие их непробиваемости?

Мелькнула заманчивая мысль предложить Аверину обмен – она ему контракт, он ей биоматериал. Мелькнула и погасла. Ольга скорее откусит себе язык, чем признается, что у нее проблемы. Может потому, что вокруг Аверина вечно толкутся женщины, наперебой готовые рожать ему детей?

Она мигом представила этих женщин, усердно работающих локтями и отпихивающих конкуренток, чтобы получить доступ к роскошному телу Аверина. И тут даже душой кривить не приходилось, оно у него и правда роскошное. Вдвойне унизительно на таком фоне выглядеть неполноценной со своим диагнозом.

Торт уже стремглав несся по организму, коварно трансформируясь в подкожный жир, а Оля так и не могла определить, почему с ним не так легко, как с другими. Не с тортом, ясное дело. С Авериным.

Взять того же Богдана – насколько просто было обсуждать с ним вопросы на любые интимные темы! Они даже говорили об инсеминации, может, это потому, что он был мужем? А Аверина представить мужем не получалось даже если напрячься изо всех сил.

Странный и непохожий ни на кого мужчина. То смотрит на тебя горящим взглядом, то р-раз – и в глазах сплошной лед. Вот как с таким находиться рядом? С таким хорошо проводить время, отдыхать и заниматься любовью. Сутками. Вот только ей уже этого было мало, выросла, наверное…

Но главная причина, по которой она не могла признаться Косте в своем диагнозе, была самой Оле хорошо известна. С Богданом хотелось детей для

себя. В случае с Авериным хотелось ребенка не только от него, а для него. И не просто ребенка, а девочку. Дочку.

Оля забыть не могла, как он смотрел на Настюшку, дочь Данки и Данияла. Как млел и таял в присутствии девочки. А если бы Оля смогла родить ему дочку, похожую на него, с блестящими черными глазами в обрамлении черных ресниц, Костя бы точно свихнулся от счастья.

Ольга уныло рассматривала прохожих через стекло большого панорамного окна. Ну? И чем она в таком случае отличается от той толпы баб, что гроздьями вешаются на шею Аверину? Да еще и детьми пытаются удержать?

Нет, здесь ей точно ловить нечего, и заикаться не стоит. Они даже об отношениях не смогли договориться и окончательно распрощались, причем дважды. Оба раза Оле хотелось верить, что Костя просто испытывает ее, потому что при прощании в черных глазах чудилась пусть не боль, но явное сожаление. И оба раза оказалось, что она ошиблась.

Ольга вздохнула и отставила чашку. Вечно ей чудится всякий бред, от того и в жизни у нее все через одно место.

Оставила на столике деньги, встала и вышла из кофейни.

* * *

«Отрицательный! У него отрицательный резус!»

Она с колотящимся сердцем захлопнула историю болезни. Потом снова открыла и еще раз прочитала, чтобы убедиться, что ей не привиделось. Нет, не привиделось. Написано черным по белому: «Аверин Константин Маркович, группа крови первая, резус-фактор отрицательный».

Закрыла историю болезни и задумалась. Хлопнула дверь ординаторской, Оля спрятала историю в стол и обернулась. Антон. Выглянул в коридор, закрыл дверь поплотнее и быстро подошел к Ольге.

Наклонился и заглянул в глаза, а она втянула незнакомый запах приятного мужского парфюма и вздохнула про себя. Ну что ей опять не так? С тех пор, как Оля вернулась из памятного путешествия в замок Давида Данилевского[3 - События из книги «Миллионер против миллиардера».], прошел без малого месяц. А она до сих пор маринует Голубых с его приглашением на ужин, и все потому, что до сих пор ждет…

Сама не знает, чего ждет. У моря погоды, наверное. И приглашение на работу в «Медикал-центр» отклонила, и за границу стажироваться не поехала. Потому что он же потом ее не найдет! Хорошо хоть на курсах вождения начала заниматься, даже научилась крутить руль и трогаться с места!

– Антон, – подняла голову и внимательно всмотрелась в лицо мужчины, – а ты бы согласился на внутриматочную инсеминацию? – И тут же исправилась: – Конечно, если бы твоей девушке или жене это было необходимо?

– Что за странный вопрос, Оля? – озадаченно сморщил лоб Голубых. – Естественно, согласился бы. Что здесь такого? Я же врач, и это нормальная медицинская процедура. А почему ты спрашиваешь?

Вот! В этом вся проблема! Она врач, и то, что нормально для нее, никогда не станет нормальным для другого, «обычного» мужчины. Не врача.

«Так что спускайся ты, Оленька, с небес на землю и посмотри по сторонам. Да хоть бы и на Голубых!»

Ольга решительно встала и протянула Антону руку.

– Пойдем.

– Куда? – тот непонимающе оглянулся.

Так и подмывало сказать: «На инсеминацию!» – но Антон не был виноват ни в ее диагнозе, ни в ее глупом, безответном чувстве к другому мужчине. Поэтому Оля мотнула головой в сторону двери и ответила:

– Ужинать. Ты же приглашал?

– В операционную! – заглянул в ординаторскую анестезиолог Виталик. – О, Антоха, ты тут? А я тебя ищу. Идем, ребята, там Аппендицит привезли.

– Да, я его только что смотрел, – кивнул Антон и повернулся к Ольге. – Мы же на дежурстве, Оленька. Но как только сменимся, так сразу…

– Когда мы сменимся, нам останется только позавтракать, – буркнула Оля, закалывая волосы.

– Значит, в выходной идем в ресторан, – многозначительно взглянул на нее Антон и первым пошел к двери.

«А Аверин сразу бы начал торговаться за завтрак в постели!» – мрачно думала Оля, выходя в коридор. Впору было начать махать руками, отгоняя образ Аверина. Она твердо решила выбросить его из головы, а клин, как известно, вышибают клином.

Но пока в перспективах маячила лишь аппендэктомия, и Оля очень надеялась, что она окажется самой что ни на есть классической и традиционной, без осложнений. Потому что на большее у нее не было сил ни моральных, ни физических.

И вся надежда у Аппендицита сегодня была на Голубых.

Глава 2

– Оленька, ты сегодня прекрасна! – Антон шел от машины, придерживая полы пальто. Букет красных роз он держал наперевес, будто боевой меч.

Ольга не позволила мелькнувшей мысли «А Аверин всегда дарил белые!» – угнездиться в сознании, быстренько вытолкала ее из головы и порадовалась этой пусть маленькой, но победе. Возможно, ей удастся себя побороть и окончательно изгнать из головы наглого и беспардонного любителя контрактов.

Села рядом с Антоном на переднее сиденье и украдкой осмотрелась. Как же приятно не чувствовать себя убогой в кожаном великолепии салонов потерявших берега миллионеров с миллиардерами! Здесь все прилично, почти новый кроссовер без кричащей и кидающейся в глаза роскоши.

Антон содержал салон в порядке, и это еще больше расположило к нему Олю. Если постараться, у нее получится почувствовать к нему не только расположение, а и кое-что посерьезнее. Не обязательно, чтобы сносило крышу! Как метко подметила Анфиска, она давно уже не Ассоль на берегу.

По времени им предстоял, скорее, полдник, чем ужин, но Антон загадочным тоном пообещал вечернее продолжение.

– У меня для тебя сюрприз, Оленька. Надеюсь, ты не думала, что если я дождался ужина с тобой, то так просто тебя отпущу?

Он при этом пристально окинул ее взглядом с легкой поволокой, и Оля даже почувствовала волнение. Не когда все немеет, ладони потеют, а сердце проваливается ниже позвоночника, нет! ЛЕГКОЕ волнение. Приятное и ненавязчивое.

Она инстинктивно одернула подол платья, случайно обнажившего ноги, и поймала взгляд Антона. Поволока исчезла, теперь это было неприкрытое желание, и она подумала… А почему нет? Сколько можно строить из себя девственницу?

В их последнюю встречу Аверин меньше всего походил на насельника святой обители. Загорелый, подтянутый, как будто он не в самой опасной стране мира был, а на курорте. Что ж, вешающиеся на его шею женщины вряд ли группируются по определенным ареалам[4 - Ареал: в биологии – естественная среда обитания каждого вида животных. В медицине – область естественного распространения возбудителя инфекционного заболевания.]. Так что в Сомали он вполне мог обзавестись очередной толпой поклонниц.

«Чертов Аверин! Снова я о тебе думаю!»

Оля сердито отвернулась от окна и твердо решила не сводить глаз с Голубых. Но тут же пришлось снова отворачиваться, чтобы спрятать улыбку. Может, он все

же сменит фамилию?

– Мне очень нравится твоя улыбка, Оленька, – сказал Антон, и ей сразу стало стыдно. Она мигом покраснела как вареный рак.

Позорище! Нашла о чем думать, о фамилии! Нет, фамилия «Аверин», безусловно красивее, но если взять самого носителя…

– Что там такое? – недовольным тоном проговорил Антон, и Ольга проследила за его взглядом.

Автомобиль вывернул на проспект и оказался зажат в плотной пробке. Поток машин полз со скоростью улитки, огибая собравшуюся впереди толпу людей. У Оли неприятно засаднило и заворочалось внутри от тяжелого предчувствия.

Они с Антоном переглянулись и одновременно выскочили из машины, явно подумав об одном и том же. Может, это и неплохо, когда рядом с ней будет не обычный мужчина, а такой же ненормальный, как и она сама?

Мама часто говорила, что для счастливого брака нужно, чтобы муж и жена смотрели не друг на друга, а в одну сторону. И кажется, Оля только сейчас начала понимать, что она имела в виду.

Ну почему это ДТП произошло именно здесь, именно сейчас, как раз в тот день и час, когда она собралась на свидание? Мысль мелькнула и исчезла, особенно когда Оля увидела, как Антон расталкивает людей со словами: «Я врач! Пропустите, я врач!»

Откуда у него в руках дежурный врачебный кейс? Она даже не заметила, когда он его взял – вот что значит военный человек, привык к дисциплине, не то, что некоторые…

Оля устыдилась своим порывам, быстренько растолкала свой уснувший профессионализм и принялась пробираться сквозь толпу вслед за Антоном. Сердце вдруг ощутимо екнуло, она даже на миг остановилась.

Но профессионализм проснулся и требовал действовать. Ольга протиснулась между двумя широкоплечими парнями и увидела лежащую на асфальте женщину. Или, скорее, девушку – та выглядела слишком молодо. Из слов очевидцев узнала, что девушку сбила машина на пешеходном переходе. Водитель с места происшествия скрылся.

Люди вокруг возмущались, делились тем, кто что видел, а Олино сердце снова зашлось в непонятном тревожном предчувствии, как будто сейчас что-то произойдет. Непоправимое. Антон склонился над потерпевшей, проверяя пульс, а Ольга скользнула взглядом дальше и остолбенела.

Рядом с девушкой прямо на асфальте сидела совсем маленькая, на вид младше племяшки Насти, девочка. Она периодически дергала потерпевшую за руку, шептала: «Мама! Мамочка!» – и смотрела на окружившую их толпу полными страха глазами.

Черными. Под черными вразлет бровями. Слишком узнаваемо, чтобы Ольга могла ошибиться. Потому что именно такой очень часто, особенно в последнее время, она видела во сне свою дочь. Свою и его.

– Мы пробовали ее уговорить встать, – тихо сказала полная немолодая женщина, проследив за Олиным взглядом, – не дается. Плачет.

Как заколдованная, Ольга подошла ближе и склонилась над девочкой и ее матерью, обогнув Антона. Тот оказывал первую помощь так профессионально, как будто с утра до вечера ходил по улицам и оказывал помощь потерпевшим в ДТП. Вот что значит военный медик!

– Скорая едет, – сказал кто-то в толпе, – и полиция тоже.

Девушка дернулась, глубоко вдохнула несколько раз, будто задыхаясь, и внезапно открыла глаза. Обвела окруживших ее людей мутным взглядом и схватила Ольгу за руку. Не Антона, а Олю!

– Помогите, – прошептала она, силясь подняться, – найдите его, умоляю!

– Кого? – переспросил Антон, а у Оли заныло в груди, но еще где-то в самой глубине теплилась крохотная надежда. Которая тут же рассыпалась пылью, стоило потерпевшей снова заговорить.

– Аверина… Костю… – она хотела еще что-то сказать, но дернулась и потеряла сознание.

Сирены неотложки и полицейского патруля завыли одновременно. Ольга в изнеможении присела возле малышки на корточки, ноги отказывались ее держать категорически.

– Как тебя зовут? – спросила тихо.

Девочка подняла длинные черные ресницы, и с Олей окончательно распрощались даже самые микроскопические крупинки надежды. Сходство девочки с Авериным было поразительным.

– Аня.

– Анечка, – она протянула руки, приказывая пальцам не трястись. Но пальцы отказывались подчиняться еще сильнее, чем ноги, – а я Оля. Я тоже врач, как и Антон. Не сиди на асфальте, Анюта, ты простудишься. Маму вылечат в больнице, но, если ты заболеешь, она расстроится.

«А твой папа меня вообще убьет за то, что я о тебе не позаботилась».

Девочка доверчиво к ней потянулась, хлопнула ресницами и заплакала, обняв Ольгу за шею, а у нее сердце будто в ошметки разорвалось и по округе разлетелось. И мечты дурацкие. И надежды надуманные. Ему не нужна ее призрачная дочка. У него уже есть своя, настоящая. Похожая на него как две капли воды.

* * *

Скорая приехала быстро. Пока Антон объяснялся с коллегами и помогал грузить пострадавшую в машину, Оля держала малышку за руку. Но когда медсестра подошла, чтобы забрать девочку, та вдруг обхватила Олины ноги и заплакала

так горько, что у нее все внутри перевернулось.

– Анечка, тебе надо поехать в больницу с мамой, тебя должен осмотреть доктор… Айболит! – нашлась Оля. – Ты знаешь, кто такой доктор Айболит?

Но Анютка продолжала плакать, вцепившись ей в ноги, и тогда она сказала решительно:

– Я тоже поеду.

– Но, Оля, – растерянно проговорил Антон, – а как же… Как же наше свидание? Я столько ждал, – добавил он уже тише.

Ольга посмотрела на плачущего ребенка, подняла ее на руки и, ничего не ответив, пошла к машине. Голубых сунул руки в карманы пальто и с сердитым видом зашагал прочь.

В детском отделении Анюта цепко держалась за Олину руку. С горем пополам получилось оторвать от себя ребенка, чтобы ей сделали рентген. Ожидая перед дверью в рентген-кабинет, Оля пересилила себя и зашла в мессенджер.

Последний раз Аверин был в сети неделю назад. Нажала на вызов – ни ответа, ни привета. Выбрала несколько фото девочки, которые успела сделать в коридоре и замерла. Отправлять, не отправлять?

О том, что мать Ани просила найти Аверина, слышали только они с Голубых. Оля очень надеялась, что девушка выживет – как сказал Антон, у нее могут быть повреждения внутренних органов. Надо заглянуть потом в травматологию, выяснить, как она, как ее зовут, возможно, придется пообщаться с полицейскими…

Полиция! Дядя Сережа! Как она сразу не подумала? Открыла телефонную книгу и боковым зрением заметила знакомое пальто.

– У нее болевой шок от перелома ключицы, – Антон сел рядом, и Оля удивленно развернулась всем корпусом.

– Антон! Откуда ты взялся?

– За вами поехал, не мог же я там машину бросить. Сразу спросил, куда их повезут, они в городскую хотели, но я договорился, чтобы в нашу травматологию отвезли. Меня провели в отделение, я дождался осмотра. Ее Юлией зовут, документы в курточке были. Там уже менты набежали, я и спустился в детский травмпункт. Оля… – Теперь он повернулся и посмотрел ей в глаза. – Кто такой Аверин?

У нее, наверное, даже ладони покраснели.

«А в самом деле, кто?»

– Аверин? – она сделала круглые глаза, чувствуя себя круглой дурой. – С чего ты решил, что я его знаю?

– Я тебя никогда такой не видел, – Антон отвернулся и уставился в стенку. – Будто батарейку выключили. Очень… очень странно для тебя, ты всегда такая живая, я всегда тобой любуюсь. Настоящий энерджайзер!

– Какой там энерджайзер, – пробормотала она, – придумаешь тоже…

– Так кто он, Оля? – требовательно спросил Антон. Она вздохнула.

– Один знакомый. Дальний. Он помогал моей сестре проводить расследование.

– Частный сыщик, что ли?

– Почти.

Оля понятия не имела, как охарактеризовать род деятельности Аверина. Зато свое собственное местонахождение в системе координат его ценностей и привязанностей теперь могла оценить гораздо точнее, чем какой-то час назад. Оба значения однозначно с отрицательным знаком.

– Эта Юлия тебе кто? – продолжал допытываться Голубых. Здесь даже врать не пришлось.

– Никто, – честно ответила Ольга.

– Так почему ты тогда поехала с ребенком в больницу? Я подумал, что ты их знаешь.

– Ну кто-то же должен был с ней поехать, – резонно заметила Оля, и Антон не нашел, что ответить.

Открылась дверь, девочка выбежала из кабинета и снова вцепилась в Олю. Они переглянулись с медсестрой, которая привела их сюда из приемного покоя. Медсестра попыталась взять девочку за руку, но та прижалась к Ольге, и у нее не хватило твердости оттолкнуть ребенка.

– Пойдем, я отведу тебя к доктору Айболиту, – сдалась она, делая знак медсестре. – Но дальше меня не пустят, тебе нужно будет поужинать и пойти в палату.

* * *

В приемном покое Анечку осмотрели, ребенок оказался здоров, но, когда пришло время идти в отделение, девочка снова стала плакать. Оле всегда было жаль племянников, когда они плакали, даже если сестра их заслуженно наказывала. Но сейчас спокойно смотреть на неподдельное детское горе не было никаких сил.

– Антон! – жалобно посмотрела она на Голубых.

Тот нахмурился, достал телефон и набрал Славского. Славский еще кому-то позвонил, в общем, Оле выдали халат, бахилы, и она повела малышку в детское отделение.

Ей удалось даже уговорить Анютку поужинать, правда, пришлось придумать целую историю про голодных зайчиков, которые больше всего на свете любят молочную овсяную кашу. Девочка смотрела на нее знакомыми до боли черными глазами, хлопала длинными черными ресницами, и Оля чувствовала, как внутри нее разгорается настоящая ярость.

Она чужая, посторонняя, и то малышке не так одиноко. А если бы рядом с ребенком был отец, девочка бы так не боялась. И еще было очень жаль разбитых на мелкие осколки иллюзий.

Оля даже сказку не успела дорассказать, как Анечка уснула, держась за ее руку. Некоторое время посидела, глядя на девочку и изумляясь сверхдоминантным отцовским генам. Осторожно высвободила руку, достала телефон.

Выбрала два фото и нашла нужный контакт. Не в сети. Ничего, когда-то же он там появится? Глубоко вдохнула и нажала «Отправить».

Глава 3

– Как ты себе это представляешь, Оля? – пропыхтел из трубки Волошин. – Девочка – пострадавшая в ДТП. Она должна находиться в больнице до тех пор, пока либо ее мать не станет дееспособной, либо не найдется кто-то из родственников. Ты родственница?

– Это его дочь, – не выдержала Оля.

– Кого его?

– Аверина.

Трубка помолчала, затем ругнулась.

– Вот же ж… И что Аверин?

– Ничего. Он не на связи.

– Оля, ты уверена?

– Да, они похожи как две капли воды.

– Ну прям капли. Как трехлетняя девочка может быть похожа на сорокалетнего мужика? Не говори глупостей.

– Дядя Сережа, ее мама, ну та девушка, которую сбила машина…

– Виноградова? Юлия?

– Не знаю. Наверное. Мама Анечки. Она сказала, чтобы я его нашла. Костю.

– Вот же ж…

– Дядя Сережа!

– Прости, девочка, – Волошин взволнованно задышал в трубку, а потом признался. – Наши у нее его номер в телефоне нашли. Уже пробивают. Я думал, там какие-то другие отношения, а оно вон что. Только он не на связи.

– Знаю. Я ему звонила.

– Ни он, ни племянник его, этот, как его…

– Клим?

– Да, Клим. Вместе, небось, усвистали. Слушай, Оленька, – вдруг встрепенулся Волошин, – а может, это Клима девчонка?

– Почему тогда Юлия ищет Костю, а не Клима? – в глубине души внезапно слабо затеплилась надежда, но Оля не дала ей проклюнуться и прочно там закрепиться.

– Так у Клима жена беременная. Не захотела расстраивать.

– Нет, – покачала головой Ольга, – Клим порядочный парень, он бы не бросил своего ребенка.

– Так, а этот разве не такой? – удивился Волошин. – Аверин твой с парнями своими носится как наседка с яйцами, всех под себя подгребает. Сеет, правда, сначала, по миру, а потом собирает. Сеятель…

– Он на детей контракт заключает, отдельный, – объяснила Оля. – И, если мать ребенка не согласна или нарушает контракт, он ребенка забирает. Юлия могла сбежать и не сказать об Анютке.

– Что деньги с людьми делают! – Оля даже через трубку увидела, как укоризненно качает головой дядя Сережа. – На детей контракт, будто это мешок картошки. Так ты его поэтому послала?

– Мы оба пришли к выводу, что у нас нет будущего, – дипломатично ответила Оля.

– Ладно, девочка, придумаем что-то, – пообещал Волошин, а потом, подумав, добавил: – Слушай, ну все равно не верится мне. Юльке этой двадцать четыре, еще чуть-чуть, и он сам бы ее родил. Костян, конечно, со странностями, но, чтобы вот так обойтись с молодой девчонкой…

– У Кости нет особых требований насчет возрастных ограничений, – вновь решила проявить дипломатичность Оля.

– Ладно, очнется она, выясним, кто там кому родственник, – сказал Волошин, потом то ли хмыкнул, то ли выматерился, еще раз заверил, что сделает все возможное и невозможное, и отключился.

Ольга посмотрела на отправленное сообщение – даже не доставлено. Абонент не в сети, и когда там появится, неизвестно. А маленькая девочка в больнице одна, Оля специально позаглядывала в палаты, там даже дети постарше лежали с мамами.

Представила, как Анютка проснется, рядом никого. Пока до нее дойдет очередь у вечно занятых непонятно чем медсестричек… И сердце сжалось. Девочку надо хотя бы отвести в туалет и помочь умыться – с племянниками у Ольги для этого был подготовлен целый ритуал.

Весь вечер дома не могла найти себе места, даже позвонила в отделение. Попеременно заглядывала в мессенджер, долго не могла уснуть и засветло вскочила. Пришла на смену на полчаса раньше, надела халат и первым делом побежала в детское отделение.

* * *

– Как хорошо, что вы пришли, Ольга Михайловна! – обрадовалась медсестра, она еще не успела смениться. – Анюта проснулась, накрылась с головой одеялом и не хочет вылезать. «Где Оля? Где Оля?»

Ольга молча прошла в палату – мамашки уже подняли детей и готовились к завтраку и приему лекарств. Возле дальней кровати стояла молодая женщина и гладила небольшой кокон из одеяла.

– Анечка, вставай, малышка, надо позавтракать.

Увидев Ольгу в медицинском халате, смущенно пожала плечами, указывая на кокон.

– Прячется, как мы ни уговаривали.

Оля подошла к кровати и присела на край.

– Анютка, привет, как ты спала? Тебе приснились голодные зайчики?

Кокон зашевелился, одеяло поползло вниз, поверх него показались черные глазищи. Такие знакомые, что у Оли засаднило сердце.

«Сволочь ты, Аверин, я даже ребенка твоего из-за тебя люблю».

Малышка смотрела из-под одеяла, но вылезать не торопилась. Оля осторожно потянула за край – не дается. Делано вздохнула и сложила руки на коленях.

– А я хотела тебя пригласить к себе пожить, пока твоя мама в больнице полежит. Я сегодня после работы за тобой зайду, и если ты не будешь прятаться…

Одеяло полетело в сторону, маленькие ручки обхватили шею. Оля прижала к себе девочку и судорожно глотала подкативший комок, изо всех сил стараясь не разреветься.

* * *

День, как назло, тянулся долго. Ольга несколько раз порывалась проведать девочку, но Волошин слезно просил подождать, пока он добьется официального разрешения забирать ребенка на ночь и выходные.

– Если не выгорит ничего, то мы оба с тобой по шапке получим, Оля! А ты еще и за похищение несовершеннолетней под раздачу попадешь.

Юлию Виноградову после операции перевезли в реанимационное отделение. Оля боролась с собой как могла, но ноги сами принесли к палате, в которой лежала та, которая смогла обвести вокруг пальца Костю Аверина и украсть у него дочь.

Стояла, закусив губу и сжав добела пальцы. Смотрела на молодую девушку, которая сейчас была больше похожа на куклу из музея восковых фигур, и представляла… Очень хорошо себе все представляла, потому что сама не могла забыть.

Представляла, как разметались по подушке длинные волосы, убранные сейчас под одноразовую медицинскую шапочку. Какими распухшими от поцелуев были обескровленные губы. Как сияли глаза, скрытые длинными изогнутыми ресницами.

Пристально вглядывалась в незнакомые черты, как будто пыталась в них отыскать спасительное сходство. Но ничего и близко похожего на Аверина не было. Был высокий открытый лоб, выступающие скулы, прямой нос. Средний рост, стройная фигурка, изящные кисти рук, длинные пальцы. Несмотря на нездоровую бледность, Юлия была красива, что вообще не удивляло Олю.

А чего удивляться-то? Вот если бы она весила килограмм сто двадцать, была лысой, с большим мясистым носом или, на крайний случай, с прыщами, тогда бы

Оля, конечно, удивилась несказанно, а так…

Дядя Сережа сказал, что Юлии двадцать четыре, Анютке три. Значит, ей было двадцать, когда они с Костей… Нет, так не пойдет. Зачем изводить себя понапрасну и представлять Аверина с этой девчонкой? Не с этой, так с другой, пускай не такой юной, а может и вовсе в годах. Кто знает, какие у него вкусы! Все равно эти другие были, есть и будут, потому что ее, Ольги, там точно не будет.

Настроение безнадежно испортилось. Оля шла на обход, и сама себя шпыняла за то, что снова устроила в своей душе зубодробильную тягомотину под названием «Любовь к Аверину». Ведь уже пробовала прогонять мысли о нем, и у нее даже начало получаться. Так что опять случилось?

Надо думать о чем-то другом, к примеру, об Анютке. Оля даже мысли не допускала, что у Волошина не выйдет выбить разрешение забрать малышку из больницы на выходные. Сегодня у девочки должны были взять все анализы, ее осмотрели невролог и психиатр. А на выходных в больнице остается только дежурный доктор, смысл оставлять там ребенка?

Ольга прочла заключение – у Анечки шок. Это и так ясно, шутка ли, на глазах малышки мать сбивает машина. Наверное, она поэтому и не разговаривает.

Данкина малышня в три года болтала без умолку. Пускай не все можно было разобрать, Никитка глотал слова, а Настя меняла местами буквы. Приходилось даже одно время водить обоих к логопеду.

Анечка слова говорит четко, буквы проговаривает все. Можно попробовать ее разговорить, для этого у Оли есть целая полка детских книг. Сказки, детские стишки и всякая фигня с картинками из серии «Как говорит козлик?»

При этом для нее всегда была загадка, чем руководствовался автор, задавая детям вопрос: «Как говорит рыбка?» И куда смотрела редакция. На картинке рыбка лишь пускала пузыри, и Оля давно пришла к выводу, что составители детских книг вообще народ странный, а уж сочинители детских стихов те просто вне конкуренции.

Чего стоили пришитые новые ножки зайчику доктором Айболитом. Маленькая Оля, как будущий хирург, сразу уточнила у папы, у кого добрый доктор отрезал ножки, чтобы пришить зайчику, чем ввела в ступор обоих родителей.

Мама, которую озадачил близкий к истерике капитан полиции, нашлась и ответила, что раз ножки новые, значит зайчик – игрушечный, а новые ножки делают на фабрике игрушек.

Но Олю ответ не удовлетворил, потому что нигде в книге не было уточнения, что Айболит лечил игрушки. И она твердо знала, что у игрушечных бегемотиков не могут болеть животики, потому что у них нет ни желудка, ни кишечника, ни даже самого захудалого аппендикса.

Что тогда говорить о классическом прозопагнозике[5 - Прозопагнозия – когнитивное расстройство, при котором человек не различает лица людей.] Шалтае-Болтае?[6 - Шалтай-Болтай – персонаж сказки «Алиса в Зазеркалье», Льюис Кэрролл, 1871 г.] Родителей даже вызвали в школу, когда их старшая дочь на уроке литературы дала полную выкладку по диагнозу данного персонажа.

Оля до сих пор помнит выражение лица учительницы литературы, пока несла просветление в массы, тщательно проговаривая каждое слово:

– Возникает при поражении правой нижне-затылочной области, часто с распространением очага на прилегающие отделы височной и теменной долей.

…Волошин лично привез бумагу, в которой Кетлер – и когда она уже сменит фамилию, наконец? – Ольге Михайловне, как медработнику областной клинической больницы, разрешалось забирать несовершеннолетнюю Виноградову Анну на период с такого-то по такое-то время. С целью стабилизации психического состояния ребенка.

Они с Волошиным вместе спустились в детское отделение.

– Она уже с обеда ждет, – сказала дежурная медсестра, указывая на одиноко сидящую на кушетке больничного коридора девочку.

Анюта прижимала к себе рюкзачок и смотрела в одну точку. Увидев Олю, радостно вскинулась, подбежала, обхватила за колени и уткнулась ей в юбку.

– Ну что, котенок, поехали домой? – бодрым голосом спросила Ольга, хотя самой хотелось сесть на пол прямо посреди коридора, обнять девочку и рыдать до скончания века.

Та подняла сияющие глаза, похожие на две маслины, и Волошин пораженно крякнул.

– Твою ж дивизию… – а затем глянул на Олю с неумело прикрытым сочувствием. – Вылитый Аверин!

Глава 4

– Баю-бай, спи, Анютка, засыпай, – Оля успокаивающе гладила девочку по густым и черным, как у всех Авериных, волосам.

Она не уставала удивляться, как такое может быть, но у нее малышка чувствовала себя как дома. Они вместе напекли блинчиков, ели их с черничным вареньем и сметаной, потом Ольга искупала девочку. Вспенила шампунь, собрала шапкой у Анютки на голове и нанесла пенные снежки на нос и ушки.

– Снеговичок! – объявила малышке и подтянула ее из ванной повыше к зеркалу.

Та пришла в дикий восторг и еще раз десять попросила показать ей снеговичка. Потом Оля долго сушила и расчесывала Анютке волосы – такие густые, что пришлось взять щетку для укладки. Детская расческа, которую она купила для девочки вместе с зубной щеткой и пастой, просто не справилась с такой прорвой волос. Хорошо, что дома нашлась новая, нераспакованная.

Настюхина пижама оказалась Анюте велика, пришлось подвернуть рукава и штанины. Надо завтра выбраться в соседний торговый центр, купить все необходимое и заодно выгулять девочку. Ей сейчас не помешают положительные эмоции, а уж Оле как они не помешают, кто бы знал…

Анечка сладко спала, подложив ладошку под пухлую щечку. Оля подавила рвущуюся из глубины истерику, оставила включенным ночник и ушла на кухню. У нее не будет такой девочки, и хватит себя этим терзать.

Зажигать свет не хотелось, Оля включила газ, поставила на плиту чайник и уставилась в окно. Синий цветок освещал кухню таинственным голубоватым светом. События последних дней будто пробили брешь в тех глухих заборах, которые она выстроила и в голове, и в сердце.

Воспоминания накатывали волнами, и вскоре уже не осталось сил им сопротивляться. Чай остывал в большой высокой кружке, Оля положила подбородок на согнутые в локтях руки и смотрела на дымящийся над кружкой пар.

Тот вечер встал перед глазами так отчетливо, будто все происходило сейчас. Будто Оля опять растерянно рассматривает шикарное платье с умопомрачительным вырезом на спине. Декольте закрыто наглухо, зато разрез на юбке чуть ли не до самого основания.

Туфли на высоченной шпильке, комплект белья из невесомого кружева – здесь и ценники не нужны, сразу ясно, что все куплено по баснословным ценам. Падишах Аверин не пожалел денег, чтобы нарядить свою гаремную рабыню.

В коробке, украшенной известным логотипом с витиеватыми буквами – флакон духов. Этот флакон окончательно ее добил. Разве можно еще более красноречиво ткнуть носом в то, что ни ее одежда, ни ее духи таким как Аверин, по выражению Данки, не вставляют?

Оживший экран сообщил, что лимузин приедет через два часа и что ей следует поторопиться. Ольга с отвращением отбросила телефон и закусила губу.

Так и подмывало сложить все обратно в коробку и отправить обратно с лимузином. А самой надеть старый спортивный костюм, который держала для субботников в больнице, и обычное хлопковое белье, которые надевала в критические дни. Духи можно вообще проигнорить. Хорошее мыло, и хватит с него. Приехать на электросамокате – их сейчас полно по городу. И что тогда скажет этот заносчивый засранец?

Но она сама подписалась на чертов контракт – провести ночь с Авериным в обмен на его помощь Данке. Аверин сестре помог, и, надо отдать должное, выложился по полной. Другое дело, что Ольга ждала… Чего? Да чего угодно, только не такого явного очерчивания ее сегодняшней роли.

Вспомнился сериал о турецком гареме, как его наложниц готовили к ночи с султаном. И если бы Аверин додумался прислать абонемент в СПА, чтобы она, упаси Бог, не явилась к нему с небритыми ногами, точно не удержалась бы и послала.

Ладно. Хочет контракт, будет ему контракт. Два часа – это прорва времени, макияж обычно занимает не более пятнадцати минут. Платье из немнущегося шелка, его гладить не надо. Прическу делать – много чести. Просушить волосы феном и уложить щеткой в локоны от силы пятнадцать минут.

Значит, оставшееся время вполне можно проваляться в ванной. А ноги она давно не бреет, хвала небесам и аппаратам для лазерной эпиляции последнего поколения.

Лежа в ароматной пене, Оля пыталась разгадать причины странной, почти маниакальной необходимости прописывать по пунктам все возможные отношения с женщинами.

Она нравилась Аверину, это было видно, надо быть слепым, чтобы не видеть. А есть еще язык тела, по которому каждая нормальная женщина способна определить интерес мужчины. И у Ольги давно была своя шкала, по которой она с легкостью определяла степень этой самой заинтересованности.

Так вот в случае с Авериным все показатели зашкаливали, все без исключения. У него явно сносило крышу рядом с ней, как и у нее самой. Так к чему тогда эта коробка с нарядом бордельной содержанки и лимузин?

Если честно, Оля была уверена, что все у них случится безо всякого контракта, и удобных случаев подворачивалась тьма. Когда они целовались с Авериным, она кожей ощущала напряжение, исходившее от мужского тела. Если бы интим глазами засчитывался за реальный, то они уже давно считались бы любовниками со стажем. Так почему тогда ему нужно именно так?

Но сколько Оля ни спрашивала Вселенную, ее вопросы оставались без ответа. Она до последнего надеялась, что все окажется розыгрышем. Костя сам приедет – да хоть бы и на лимузине, пускай. Прижмет полуобнаженной спиной к стене коридора, проведет колючей щекой от шеи до ключицы и скажет на ухо:

– Как ты могла повестись на это, милая! Тебе захотелось поиграть в куртизанку?

Она бы тогда просто притянула его к себе за плечи – даже почувствовала их под руками, крепкие, твердые, обтянутые тканью рубашки, которую тут же начала бы снимать…

Она ждала его, пока медленно вытиралась полотенцем, ждала, пока сушила волосы, ждала, пока красила ресницы и губы. И когда одевалась, тоже ждала.

Но Аверин не приехал. Лимузин прибыл на полчаса раньше, Оля уже была готова. Села в машину, одетая в платье из коробки, политая присланными духами и в туфлях на высоченной шпильке. Все как он хотел. Может, у него проблемы по мужской части, и по-другому ему все-таки «не вставляет»?

Тут же вспоминались многочисленные разы, когда она собственным телом ощущала, насколько там все беспроблемно. А сколько раз приходилось как стыдливой девственнице отводить взгляд от вздымающегося в той самой области приличной величины бугра? Аверин при этом без тени смущения раздевал ее глазами и брал прямо там, где она стояла. Так зачем ему это все?

Хотелось крикнуть во весь голос, но водитель лимузина точно ответа бы не дал. Оля отвернулась к окну, и тут выяснилось, что они приехали.

Ее высадили у дверей большого двухэтажного дома, и ворота закрылись за укатившим лимузином. Она беспомощно огляделась по сторонам. Никого. Встречать наложниц у султанов самолично не принято, это ясно и дураку, но хоть кого-то прислать в помощь можно же?

Класс, осталось начать орать под окнами, как мартовская кошка. Потянула дверь – не заперто. Прошла полосу прихожей и ступила в просторный светлый холл. Сразу решила, что попала в исторический музей – какие-то обломки, вазы, ружья, фотографии.

– Оля! – послышалось сверху. Подняла глаза и увидела Аверина в одних брюках. – Почему он тебя так рано привез? Я не успел одеться, извини.

Можно было снять туфлю и хорошенько прицелиться, но Оля знала, что не попадет. Ни в пах, ни в голову, вообще никуда. У нее всегда были проблемы с наведением резкости, это ей еще в школе учитель физкультуры сказал. Когда она в тире ни разу не попала в огромную, на полстены мишень.

Учитель оказался мужчиной мудрым и дальновидным. Оле поставил «отлично», и поэтому спустя годы, попав к ней на операционный стол, лишился паховой грыжи быстро и без особых осложнений.

Так что бросаться в Аверина туфлями Оля не стала. Он уже спускался к ней в рубашке – белой, без единой складочки. На руке часы, брюки облегают бедра как перчатка руку. Прическа – волосок к волоску. Аромат – сплошной афродизиак.

Терпеть больше не было никаких сил. Оля вымученно глянула на идеального до тошнотворности Аверина и взмолилась:

– Костя, пожалуйста, давай побыстрее уже перейдем к контракту?

– Оля? – Аверин подошел вплотную, в нем было все слишком мужское, чтобы она смогла устоять и не пошатнуться.

К загорелой шее руки тянулись непроизвольно, кожа на ладонях горела от необходимости прикоснуться к небритым щекам. Пальцы сами шевелились, мысленно зарываясь в густые волосы, и Оля поспешно завела руки за спину, сцепив их до боли в костяшках.

Переступила с ноги на ногу, тонкая высокая шпилька подвернулась, Костя вовремя удержал ее за талию.

– Что с тобой? – он смотрел с недоумением, к которому примешивалось беспокойство.

– Зачем тебе понадобилось это все? – не выдержала она, продолжая цепляться пальцами за пальцы.

– Что? – не понял Костя.

– Ну вот это, – она расцепила руки и провела вдоль платья, невероятными усилиями воли сдержавшись, чтобы не схватиться за его плечи.

– Тебе не понравилось платье? – он все так же непонимающе смотрел, и она решилась.

– Нет. Не понравилось. Платье бордельной девки, и белье, и туфли… неудобные. Нет, вообще-то удобные, но я не ношу такие высокие каблуки, у меня ноги подламываются. Обязательно было наряжать меня как наложницу, тебе по-другому не вставляет?

– Вставляет? – он привычно изогнул бровь.

– Это молодежь так выражается, Данка… – зачем-то начала оправдываться и умолкла. Зря, не стоило. И она быстро закончила: – Так что покажи, куда мне идти, чтобы скорее с тобой рассчитаться.

Костя ничего не ответил, молча смотрел, и она не сама тонула в черных как бездна глазах. Это он ее в них топил. Оля снова покачнулась на высоких каблуках, и руки на талии сжались крепче.

– Неудобные? – теперь его голос звучал низко и приглушенно. – Значит снимай. И пойдем выполнять контракт.

Она быстро сняла туфли, Аверин продолжал уверенно поддерживать ее за талию. Оглянулась, куда их пристроить, но он тут же отобрал туфли и отбросил в сторону. Стремительно подхватил ее на руки, и Оля не успела опомниться, как оказалась прижатой к хорошо развитой грудной клетке.

Мучительно не знала куда деть руки. Хотелось его обнять, но разве наложницы обнимаются с падишахами? Они их ублажают, а не обнимают, так что ничего не придумала лучше, чем прижать ладони к разгоряченным щекам.

Аверин поднялся на второй этаж, перед Олей оказались распахнутые двери спальни, где виднелась широкая кровать. В груди засаднило, она зажмурилась

и… поняла, что они идут дальше.

– Костя, – спросила полушепотом, не открывая глаз и прижимая ладони к щекам, – куда ты меня несешь? Мы что, идем не в спальню?

– Ты уже хочешь спать, милая? – низкий негромкий голос пробирал до косточек, и в нем слышались смешливые нотки. – Так рано еще, детское время.

Совсем сбитая с толку Оля решила ничего не отвечать. Прозвучало очень неопределенно, что значит, спать? Аверин нес ее не напрягаясь, его лицо было слишком близко – и глаза, и губы. От тела шел ощутимый жар, и терпеть это было невыносимо. Она была просто счастлива, когда Костя усадил ее на мягкую поверхность.

Открыла глаза и не сдержала удивленного возгласа. Вокруг была гостиная, горел камин, перед ним стояли два огромных кресла, в одном из которых и сидела Оля. Низкий столик, на полу пушистый ковер – ну очень уютно!

На столике бутылка вина, два высоких бокала, фрукты, сыр, что-то еще нарезанное и красиво разложенное по тарелкам. Вот она бестолковая! Наложницу следует напоить и накормить, чтобы у нее были силы.

– Если хочешь, можешь снять платье и взять мою футболку, – Костя взял бутылку с вином. – А духи тебе не понравились? Это нишевый аромат, я сам их составил для тебя, мне показалось, он очень хорошо тебя характеризует. Но если не понравились, можно их смыть, душ вон там.

– Понравились, очень, – не стала обманывать Оля и тут же спохватилась. – Что значит, сам? Ты что, парфюмер?

– Нет, – Аверин разлил вино по бокалам и протянул один Ольге.

Она решительно мотнула головой, он пожал плечами, поставил бокал на столик, а со вторым уселся у нее в ногах. Сделал глоток, поставил бокал на пол возле себя и запрокинул голову ей на колени.

– У меня приятель парфюмер, создает нишевые духи для известных парфюмерных домов. Ну ты же видела логотип. Я приехал к нему, мы вместе выбирали компоненты, если хочешь, я расскажу, что туда входит. У меня где-то записано.

Оля застыла, оглушенная и потрясенная. Известный дом находится в Париже, чтобы составить аромат, нужно время…

– А когда, – губы пересохли и не желали слушаться, – когда ты успел, Костя? Ты же все время здесь был.

– Когда? – он поднял голову и посмотрел снизу вверх. – Сразу после того, как мы познакомились.

Снова отпил из бокала, отставил его и вернулся к ней на колени.

– Мне хотелось сделать тебе подарок, но такой, чтобы это было только для тебя. Я заметил, что ты не носишь украшения, поэтому сразу решил, что это будут духи. Но ты можешь их выбросить, если тебе не нравятся, значит, я ошибся с компонентами.

Оле вдруг стал ужасно дорог флакон, небрежно сунутый ею на полку в прихожей.

– Мне нравятся, – прошептала она и несмело коснулась черных волос, – очень, просто…

Просто интересно, он всем своим бабам лично составляет ароматы? Аверин зажмурился и потянулся к бокалу.

– Попробуй вино, Оленька, полусухое, как ты любишь.

– Ты его тоже сам делал? – хотела пошутить, но Костя мотнул головой, упирающейся ей в колени, и от этого мурашки россыпью метнулись по всему телу.

– Нет. Но виноградник мой, я купил несколько лет назад. И мне кажется, мои виноделы справляются очень недурно.

– А ты всем своим женщинам составляешь духи? – выскочило само собой, Оля готова была рот закрыть руками, но уже было поздно. Аверин резко развернулся и сложил ей на колени локти.

– Нет. А тебе так важно сравнивать себя с другими?

– Я не могу не сравнивать, – честно сказала она, вилять и выкручиваться никакого смысла не было, – слишком все двусмысленно, Костя.

– Наоборот, – он снова топил ее в своих глазах, и она мужественно сопротивлялась, цепляясь руками за подлокотники, – все очень определенно, Оля. Ты читала, что ты подписала?

– Да, – она умудрилась не покраснеть и ответила достаточно твердо. Уж ей тут стыдиться нечего, – я должна переспать с тобой. За Данку.

В черных глазах полыхнуло так, что она вздрогнула, но потом с изумлением уставилась на поползший вверх уголок губ.

– Нет, милая, не так. Ты должна только провести со мной ночь. И там нет ни слова о том, что ты еще должна. Вот мы ее и проводим вдвоем, разве нет?

Оля хлопала глазами, беспомощно открывая и закрывая рот. А Аверин с безмятежным видом снова улегся ей на колени, взял бокал и уставился на огонь.

Глава 5

– Огонь, пылающий в крови моей, меня не утомил.

Ещё я жду – каких-то новых дней, восстановленья сил.

Спешу забыть все виденные сны и только сохранить

Привычку к снам – полуночной весны пылающую нить.

Аверин декламировал так, будто считывал текст из огня, потрескивающего в камине.

– Красиво, – полушепотом проговорила Оля, когда он умолк. – Это ты сочинил?

Костя задрал голову и приподнял бровь.

– Я похож на поэта, Оленька? Нет, это Сологуб, Федор Сологуб, Серебряный век, декадент. Разве вы не учили в школе?

– Учили, – пристыженно закивала Оля, – наверное…

С литературой у нее было приблизительно так же, как и с физкультурой. Только учительница попалась не такая дальновидная как физрук, еле вытянула ее на «хорошо». Правда, в операционной у Ольги ей еще бывать не приходилось.

– Отчего-то пришло на ум. Мы с тобой все это время куда-то бежали, – заговорил Костя, забросив руку за голову и будто случайно касаясь ее бедра. Оля непроизвольно вздрогнула, и он тут же убрал руку.

Ждала, что скажет дальше, затаив дыхание, а Аверин снова смотрел, как оранжевое пламя облизывает аккуратно сложенные в камине дрова.

– И? – спросила с придыханием.

– И теперь можем просто пить вино и смотреть на огонь. Разве это не удивительно?

Для нее сегодня все было удивительно, включая самого Аверина, но говорить об этом явно не стоило. Взять те же духи или платье. Теперь Оля была рада такому откровенному разрезу. Если честно, было безумно волнительно ощущать близость мужчины, опирающегося на ее полуобнаженные ноги. Ему достаточно было протянуть руку, чтобы…

Оля перестала дышать, потому что жесткая ладонь обхватила щиколотку. Судорожно сглотнула и закрыла глаза. Он решил изводить ее изощренной пыткой прикосновениями? Что ж, надо признать, такая тактика оказалась достаточно действенной.

От щиколотки по ноге поднимались горячие струйки, а потом растекались по низу живота и ползли дальше по позвоночнику, разжигая тот самый огонь, о котором так красиво сказал в прошлом веке Федор… как его? В общем, Федор. «Огонь, пылающий в крови моей…»

Если бы только в крови. По всему телу кожа горела и плавилась, а Аверин будто забыл о ней. В одной руке держал бокал, в другой Олину ногу. И… что? Так и будем сидеть?

«Я что, это вслух сказала??? О, Господи, нет!»

С облегчением вздохнула – судя по расслабленному лицу Аверина, все-таки не вслух. Но ладони сводило от жажды, и она решилась. Запустила руку в темные волосы и начала поглаживать, цепляя ноготками затылок.

Он как будто только этого и ждал, запрокинул голову и прикрыл глаза, обнажая шею. Неимоверными усилиями приходилось сдерживать себя, чтобы не наклониться и не поцеловать небритый подбородок.

Провела по нему рукой, пробежалась пальцами и вернулась обратно. Аверин с едва уловимой улыбкой подставлялся под ее ласки, а потом внезапно распахнул глаза, и она отшатнулась от полыхнувшего из них пламени. А сидел весь такой безмятежный…

Запястье обхватили цепкие пальцы и дернули вниз. Она скользнула к нему на колени, уперлась локтями в широкую грудь, и оба задышали шумно, с трудом выталкивая воздух из передавленных легких.

Когда его руки легли на обнаженную спину, Оля не смогла сдержать глухой стон. Костя, кажется, тоже, но в ушах так шумело, что сейчас она бы не услышала даже сирену неотложки.

Пальцы дрожали от нетерпения и не слушались, когда расстегивали пуговицы на рубашке.

– Ты помнишь, что делаешь только то, что хочешь? – прозвучало где-то внутри. Она быстро закивала, а потом прошептала, касаясь губами умопомрачительно пахнущей колючей щеки:

– Хочу посмотреть на твой шов, я так и не видела свою работу, – язык тоже плохо слушался и заплетался. – А ты… Чего ты хочешь? – замерла, облизнув губу.

– Тебя, – сверкнули черные глаза.

И дальше взрыв. Нет, не взрыв, землетрясение. В пятнадцать, нет, сто баллов. А лучше извержение, потому что только раскаленная лава, бегущая по венам, может так опалять. И еще губы. И руки.

От запаха сносило не хуже, чем от прикосновений. Желание накатывало оглушающими волнами, и Костя не мог этого не чувствовать. Он безошибочно угадывал, что нужно, будто читал ее, как книгу.

– И я хочу…

Одна рука продолжала выжигать на спине узоры, а второй Аверин приподнял Олю за согнутую в колене ногу и вжал в себя там, куда схлынула вся ее пылающая в огне кровь. Хорошо, что в этом платье такой глубокий разрез, и почему она сразу не оценила?

Но в следующее мгновенье все мысли разом вышибло из головы ворвавшимся в рот языком, и ей показалось, что они падают в бездонную пропасть.

Поцелуй длился так долго, что Оля начала задыхаться. А еще стало безумно мешать платье. Ткань раздражала, стягивала, от нее хотелось избавиться как можно скорее. Возбуждение грохотало во всем теле бешеным оркестром.

«Да, я хочу тебя, Аверин, хочу до умопомрачения. Даже если это будет всего лишь одна ночь».

Оставалось убедить в этом собственное сердце, но сейчас Оля об этом не думала. Разве можно думать, когда горишь в огне?

– Хочу тебя… – снова послышалось в подкорке.

У Ольги в жизни хватало секса, но она не думала, что так бывает, что можно так плавиться и сгорать только от одного предвкушения…

«Потому что не любила. И только он – любимый. Вот и все».

– Так бери… – прошептала и захватила губами выпуклость на шее. Теперь пришла его очередь застонать.

В руке блеснул квадратик фольги, Костя поднес его к зубам, чтобы разорвать, и она его остановила, накрыв своей ладонью.

– Не надо… Я на таблетках…

Не потому, что хотела обмануть, а потому, что сейчас имя свое бы не выговорила, не то, что диагноз. Потом скажет, когда-нибудь, если понадобится. Квадратик щелчком улетел за пределы видимости.

– Я проверялся… – от одного шепота уже можно было начинать сгорать.

Не было сил говорить, смогла только покивать. Ну поймет же, что и она тоже? Обеими руками расстегивала ремень, но ничего не получалось.

Он понял. Завел руки за спину, рванул ремень, полоску белья, стянул с плеч платье – очень, очень удачное платье! – и заполнил собой, выбив воздух из легких.

Она ахнула, он зашипел. Несколько секунд смотрели глаза в глаза, а потом вместе начали двигаться, впившись друг в друга поцелуем-укусом.

Аверин был горячий, резкий, жадный. Давал понять, что слишком долго ждал, чтобы сейчас уступить и дать ей хоть немного продышаться, хоть немного перевести дух. Разрядки сотрясали, взрываясь в голове сверхновыми звездами.

Он перенес ее на кресло после второй, накрыв идеальным, тренированным телом. Мышцы как веревки, пресс будто из камня. Она успела сорвать рубашку и теперь впивалась ногтями в тугие мышцы спины, прикусывая рельефные плечи. Слишком идеальный мужчина сейчас в ней, слишком…

– Вместе, Оля… – зашептал Костя громко в висок. Она закивала и подалась к нему, обхватив за шею.

Если падать в бездну, сгорать в пепел, улетать к звездам, то только так, только с ним. С любимым мужчиной. Идеальным.

* * *

– Ты… – он дышал хрипло, не разжимая объятий. Капельки пота блестели на лбу и висках, хотелось их слизать, но сил не было даже потянуться навстречу. – Я знал, что ты горячая девочка, но что такая…

Она не дослушала, уплыла в сон уже в который раз за их бурную безумную ночь. Чтобы в который раз проснуться, разбуженная укусом в плечо или размеренными толчками снизу. Кстати, она и не заметила, когда они успели переместиться в спальню.

Но видимо Аверин тоже устал, потому что больше ее не будил, и когда Ольга проснулась, солнце уже хозяйничало вовсю. Открыла глаза и увидела Костю, который смотрел на нее, опираясь на локоть.

– Доброе утро, – провел костяшками пальцев по щеке, она поймала их губами.

Легла на спину, потянулась, Аверин наклонился и поцеловал в распухшие, пересохшие губы.

– Пить хочу, – пожаловалась, и он поднялся с кровати.

– Вода, сок, тоник?

– Вода.

Прошел к угловому шкафу, открыл створку, там оказался мини-холодильник. Оля с тайным удовольствием наблюдала за его неторопливыми движениями, пристроив подбородок на сложенные домиком ладони.

– Аверин, а ты знаешь, что у тебя ямочки на заднице?

Он достал из холодильника запотевшую бутылку воды и повернулся к Оле.

– Конечно, милая, я же каждое утро рассматриваю в зеркале свой зад. Перед тем как начать бриться. Это у меня что-то вроде обязательного ритуала.

Она смеялась даже когда Аверин отобрал у нее бутылку и начал медленно, не спеша целовать, то углубляя поцелуй, то лишь слегка касаясь губ.

По телу вновь побежали маленькие молнии, заставляя повернуться на живот, отбросить волосы и подставляться под щекочущие ласки небритых щек. Его ночные поцелуи и движения были такими же – то глубокими, то кружащими по поверхности и сводящими с ума.

Аверин был не просто умелым любовником, он откуда-то знал, что нужно именно ей. И в этот раз финал был таким же фееричным.

Прерывисто дыша, Оля прижималась щекой к мускулистому телу и слушала, как часто стучит сердце под сплетением твердых мышц. Она ощущала себя фантастически. И как бы там ни сложилось дальше, сейчас все было настоящим.

– Ты полетишь со мной, – сказал Костя, когда они завтракали на его просторной, напичканной всякими полезными приспособлениями кухне.

Хозяин дома сам приготовил завтрак, позволив Оле только заложить ломтики хлеба в тостер. И если вчера вечером она переступила порог его дома, лишь влюбленная по уши в этого мужчину, то после утреннего кофе уже с опаской осознавала, что каким-то образом срослась с ним по всей поверхности и тела, и души. И что со всем этим делать, представляла смутно.

– Что, прости? – отвлеклась от своих раздумий.

– Ты полетишь со мной, – повторил Аверин нетерпеливо и добавил, облив взглядом черных глаз, от которых она вспыхнула как спичка: – Я не хочу с тобой расставаться даже ненадолго, Оленька. Так что постарайся собрать вещи как можно быстрее.

– Какие вещи? Куда это я полечу? – не могла сообразить Оля. – Мне с утра на дежурство.

– Ты не пойдешь ни на какое дежурство, Оля, – ответил Аверин, меняя тон, – ты больше не работаешь в больнице. Напишешь заявление, мои люди оформят процедуру увольнения уже без нас. А ты полетишь со мной в Испанию, я постараюсь отложить Сомали на несколько дней.

– Что значит, не работаю, какое увольнение? – не могла она понять. – Что ты выдумал, Костя?

– Не выдумал, – тон стал еще прохладнее, – я хочу, чтобы ты жила со мной на моей вилле в Испании.

– Но ты же сам сказал, что улетишь в Сомали. Что я буду делать в Испании без тебя?

– Плавать, загорать, есть фрукты. Можешь заняться тем, что тебе нравится. А я буду прилетать каждый раз, когда будет получаться.

Кажется, она начала понимать.

– Мне нравится моя работа, Костя, – Ольга еще пыталась удержать, ухватить за краешек то, что как будто их так крепко связало этой ночью. Но узел уже неумолимо развязывался, и ей от этой неотвратимости хотелось плакать.

– Вот поэтому, – задышал он чаще и уперся руками в стол, – поэтому я предпочитаю контракты. Где все четко прописано, и ни у кого не возникает потребности в подобных разговорах.

– Но, – она все еще пыталась объясниться, – я врач, я хирург. Я помогаю людям. И я чего-то стою. Не хочу умирать от скуки на твоей вилле в ожидании тебя.

– А я не хочу втискиваться в твое расписание между сменами, – Аверин уже не скрывал раздражения. – Оля, твой труд не ценят, тебе в этой больнице платят копейки. А я предлагаю весь мир. Я закончу эту работу, вернусь из Сомали, и мы отправимся в путешествие. Ты увидишь много интересного, а не четыре стены областной хирургии.

– Ценят, – тихо проговорила Оля, но он не расслышал.

– Что?

– Мой труд ценят, – чуть громче повторила она. – Те, у кого нет денег на частные больницы. Ты уже, наверное, забыл, как это, когда нет денег. И если все будут думать, как ты, их просто некому будет оперировать.

– Кто-то да останется, – махнул Аверин. – Я хочу, чтобы ты ждала меня.

– А что потом? – спросила, и он посмотрел недоуменным взглядом.

– Потом? Когда?

– Когда я тебе надоем. Когда однажды ты вернешься и скажешь, что тебе не хватает личного пространства, или что у тебя появилась очередная пассия? Я должна буду собрать чемодан и исчезнуть?

К такому разговору Аверин точно был не готов. Он задрал голову, несколько минут рассматривал потолок, а когда снова посмотрел на нее, в его глазах засверкал настоящий лед.

– Почему сразу мне? А если я тебе надоем? Эти пункты мы тоже пропишем в контракте, поэтому будут учтены интересы обеих сторон. Увидишь, ты ни в чем не будешь нуждаться.

– Как удобно! – всплеснула руками Оля. – И как предусмотрительно! Только я не планирую отношений с мужчиной, если не уверена в своих чувствах, так что совместная поездка отменяется, Аверин. Я никуда с тобой не полечу.

Он быстро пересек расстояние между ними, схватил ее за плечи и больно дернул вверх.

– В чем дело, Оля? Разве тебе было плохо со мной.

«В том-то все и дело. В том-то и дело, что было просто убийственно хорошо».

– Нет, Костя, мне с тобой не было плохо, наоборот, мне все понравилось. Но ты так лихо расправляешься с моей жизнью, что меня это пугает. Я уже давно не нуждаюсь ни в содержании, ни в покровителях. Мало того, я никогда в них и не нуждалась. А свои контракты оставь для кого-нибудь более сговорчивого.

Он не остановил ее ни когда она натягивала неуместное среди бела дня платье. Ни когда надевала так и лежащие со вчерашнего вечера посреди холла туфли. А она отчаянно сдерживала слезы, потому что самым последним делом было сейчас разреветься под прицелом сверкающих гневом черных глаз.

И только когда она выпрямилась, чтобы попрощаться, он заговорил.

– Тебя сейчас отвезут. Обещай, что приедешь домой, выспишься, а потом все еще раз спокойно обдумаешь. Контракт я пришлю тебе на почту. Все возможные правки обсуждаются. Надеюсь, ты не станешь принимать скоропалительных решений, и мы с тобой улетим вместе.

Она ничего не ответила и направилась к выходу не потому, что хотела показать, как оскорблена. А потому что банально боялась разреветься. Зачем показывать себя слабой перед тем, кто и так считает тебя чем-то средним между диванной подушкой, домашним питомцем и силиконовой куклой из магазина для взрослых?

Водитель отвез Ольгу домой. Письмо с контрактом она удалила не читая, телефон выключила, завела обычный механический будильник и беспробудно проспала до самого утра, пока ее не разбудил визгливый дребезжащий звонок.

* * *

Оля отпила едва теплый чай. Она все сделала правильно. Что могло произойти, уже произошло. Однажды страсть Аверина иссякнет, он отправится дальше, а она останется одна зализывать раны. Когда любовь односторонняя, в проигрыше всегда тот, кто любит. А Ольга проиграет, даже не успев начать игру.

Она не похожа на женщин, с которыми Костя привык иметь дело, в ней нет и десятой доли тех качеств, которые его привлекают. Она не умеет флиртовать, не знает, чем привлечь, а главное, понятия не имеет, как удерживать таких как Аверин. То, что ее предшественницы тоже не особо преуспели, утешало слабо.

Допила чай, ополоснула чашку, вернулась в спальню. Легла возле сладко спящей девочки, осторожно, чтобы не разбудить, обняла ребенка и закрыла глаза. Она все сделала правильно, только саднящая слева боль так никуда и не уходила уже несколько месяцев. И когда она уйдет, остается только ждать.

Глава 6

– Оля! Оля! Блинчики! – услышала она сквозь сон и моментально открыла глаза.

Анечка сидела рядом, очень забавная в пижамке на вырост, и тормошила ее за плечо. Почему-то девочка не связывала слова в предложения, Оля еще вчера это заметила, когда читала ей сказку.

В книге было много картинок, малышка увлеченно комментировала и живо тыкала пальчиком в рисунки. Но это все равно были отдельные слова, максимум словосочетания.

У Оли был небогатый опыт общения с детьми, даже, можно сказать, довольно скудный. Единственными детьми в ее окружении оставались родные племянники Настя и Никитка. Но если сравнивать с Никитосом, то окажется, что процент отстающих в развитии детей всего земного шара довольно высок.

Парень болтает с полутора лет, слова проговаривает четко, и слова эти иногда наполнены настолько глубоким смыслом, что Оля сама не знает, как реагировать. То ли радоваться, что в их семье растет философ, то ли плакать,

что ребенок лишен детства.

В два года в день своего рождения он с утра подошел к Данке и, прижав к груди обе руки, с чувством сказал: «Спасибо тебе, мама, за сестру!» На трехлетие Оля подарила ему гоночный трек. И когда они вместе запустили первую машинку, Никитка глубокомысленно изрек: «Мамочка, как же хорошо, что ты меня родила!»

При этом мальчик не сводил зачарованного взгляда трека, а они с Данкой убежали на кухню смеяться. Зато Настя очень долго вообще не разговаривала, Данка даже водила ее на консультацию к детскому неврологу. Племяшке, кажется, и двух лет не было.

Оля договорилась, чтобы ребенка обследовали, Данка привела дочку на анализы. Когда медсестра проколола Насте пальчик, девочка подняла изумленные голубые глаза и спросила очень внятно и правильно: «Зачем вы это сделали? Это же мой палец!»

Как потом оказалось, Настена просто не считала нужным заморачиваться, когда есть такой обаятельный и общительный брат. Даниял до сих порой впадал в ступор при общении с собственными детьми. Так что сравнивать Анечку с этими двумя умниками Оля не видела смысла, поэтому просто притянула девочку к себе.

– Мы вчера с тобой ели блинчики, зайчонок. Сегодня предлагаю молочную кашу, ее тоже можно полить черничным вареньем. А потом пойдем с тобой гулять, ты хочешь покататься на коньках?

Анютка радостно закивала и обняла Олю за шею. У той защипало в носу, и чтобы не пугать ребенка своими закостенелыми комплексами, она бодрым голосом отправила Анечку умываться. Малышка резво понеслась в ванную, Ольга торопливо вытерла глаза и погрозила своему отражению в зеркале.

Проверила, что Анютка делает в ванной – та сосредоточенно возила зубной щеткой по маленьким белоснежным – у всех Авериных они цвета дорогущей сантехники – зубкам, и быстро набрала реанимацию.

– Нет, в себя не приходила, – ответили коллеги на ее вопрос о состоянии пациентки Виноградовой.

Оля отправилась на кухню варить кашу, изо всех сил стараясь подавить в душе абсолютно неуместную и непрофессиональную неприязнь к пациентке Виноградовой. Судя по всему, та четыре года прятала от Кости дочку, и, если бы не необходимость, возможно, и продолжала бы прятать.

А что, если она для того и приехала в столицу? Как раз к Аверину и приехала, его же попробуй найди просто так. Не то, чтобы Оля пыталась нет, конечно. Почему-то так подумалось просто… Вон и Клима нет, его-то куда понесло? Жена беременная дома, дети.

Оля от души посочувствовала незнакомой Катерине. То еще удовольствие, видать, быть женой Аверина, все равно какого. То муж пропадет, то ребенка подбросят, а ты голову ломай, зачем и от кого. Хотя Клим ей очень нравился.

Платьице и колготки Анечки уже высохли после вчерашней стирки. Оля одела девочку, подала ей рюкзачок, и они вместе вышли из дома. Малышка, к слову, вела себя очень послушно. Не капризничала, с аппетитом поела кашу, даже одевалась сама, Оля только помогала.

Явно не аверинская черта. Оля, конечно, слабо представляла себе маленького Костю, но не сомневалась, что для родителей это была еще та головная боль. Упрямый, несговорчивый, своенравный. Уж на что они с Данкой девочки, а мама иногда жаловалась отцу: «Не могу уже воевать с ними, Миша. Хоть ты скажи что-нибудь!»

Отец устраивал дочерям воспитательные часы, и Оля их обожала. Он отправлял маму к подружкам в гости, а сам или шел с детьми гулять, или устраивал совместные развлечения дома.

Они могли играть в лото, шахматы, даже маленькая Данка играла. Или просто что-то им рассказывал, но никогда не ругался и не наказывал. Мать та могла и полотенцем огреть при случае. Интересно, Аверин полотенцем в детстве получал?

– Оля, батут! – закричала Анютка, когда они вошли в здание торгового центра. В огромном холле возвышался яркий спортивный батут с рекламой детской развлекательной зоны.

– Хочешь попрыгать, заяц? – наклонилась к ней Оля. – Ты только позавтракала, давай пока пойдем купим тебе пижаму и платьице, а уже потом на батут, хорошо?

– Оля? – раздалось сверху. – Что это за девочка?

Ольга выпрямилась и посмотрела на подошедшего мужчину.

– Богдан, не кричи, ты испугаешь ребенка! – она прижала жмущуюся к ногам Анечку, исподлобья глядящую на Олиного бывшего. Богдан в свою очередь изумленно рассматривал малышку.

Стало даже обидно, что он так удивился. И сама не поняла, зачем соврала:

– Это моя девочка.

– Ты удочерила ребенка? – Богдан взял ее за локоть и притянул к себе. – Но зачем, Оля? Я ведь предлагал тебе, давай снова попробуем, ты здоровая молодая женщина, мы можем с тобой родить своего.

Разом нахлынули чувства смешанные и непонятные. Она ведь когда-то была в него даже немного влюблена, в бывшего мужа. Или ей с ним просто нравилась близость? Разве теперь поймешь, когда весь такой опыт слился в одну общую черную дыру и сверху запечатался одной-единственной, но такой потрясающей ночью…

А Богдан тем временем, неправильно истолковав ее замешательство, наклонился и зашептал прямо в ухо – они все были выше нее, ее мужчины:

– У нас с тобой будет дочка, похожая на тебя. С глазами, как у тебя, красивыми… И длинными светлыми волосами. Я научусь косички заплетать, помнишь, я же тренировался, у меня даже началось получаться.

Это правда, они часто дурачились в постели, и Богдан заплетал ей косички, когда она лежала на его груди.

Они оба знали об Олином диагнозе, но Богдан упрямо верил, что у них все получится и без унизительных процедур. Он уже тогда обещал, что первой будет девочка, а потом еще мальчик. Или даже двое, как у Данки. Оля была так ему благодарна! Пока однажды не получила в мессенджере снимок с УЗИ от незнакомой темноволосой девушки. Ребенку на снимке было уже почти 12 недель, и его отцом был Богдан.

Муж не стал юлить, сразу признался, что ребенок его. О разводе и слышать не желал, уверял, что все произошло случайно, с девушкой они едва знакомы, а любовь всей его жизни – Оля.

Странно, но до сих пор в мельчайших подробностях она помнит не этот день. А тот, в который ребенка не стало. Она проплакала до самого вечера, и ночью плакала. Не потому, что было жаль этого чужого ей малыша, а потому, что все оказалось зря.

И Богдан ходил потерянный, мрачный, вот тогда Ольга и узнала, что с Леной, той темноволосой девушкой, муж был знаком еще со студенческих времен. И даже встречался одно время, когда с Олей было все не определено.

Теперь она смотрела в серые глаза мужчины, глядевшие на нее с надеждой, прислушивалась к своему сердцу и понимала, что там тихо как на поверхности озера в безлунную ночь. Ни звука, ни проблеска. А еще понимала, что не хочет светловолосую дочку. Хочет похожую на Аверина. Как Анютка.

– У меня уже есть светловолосая девочка, Богдан. Моя племянница светловолосая и синеглазая. Я хочу такую как эта, – она успокаивающе подмигнула малышке, та довольно заулыбалась. – Мы с тобой оба рецессивные, так что без вариантов.

– Не понял, Оля. Ты сейчас пошутила?

– Какие уж тут шутки!

– Но, Оля, послушай…

– Оставь меня в покое, – тихо, но твердо сказала она, отводя руку бывшего, – ты можешь пробовать сколько угодно. Только без меня. Кстати, я слышала, ты сейчас живешь не один. Твоя девушка в курсе, какие предложения ты делаешь своей бывшей?

Он ничего не успел ответить, Оля подхватила Анютку на руки и быстро пошла по направлению к детскому магазину. В сердце по-прежнему было тихо и спокойно, она шла и улыбалась своему отражению в стеклянных витринах – стройной девушке с маленькой девочкой на руках.

Ей никто не давал ее тридцать, везде принимали за малолетку. Как и сестру Данку, у той до сих пор в супермаркетах спрашивают документы, подтверждающие, что ей есть восемнадцать лет. Больные вечно принимали за интерна или медсестру-практикантку, даже Аверин тогда так решил…

Вспомнилось их первое знакомство, и Оля улыбнулась собственным мыслям, как тут снизу послышалось требовательное:

– Оля, пижама!

Спохватилась и проследила за маленьким пальчиком. Они остановились у магазина мужского белья, в витрине стоял мужской манекен в кальсонах и лонгсливе. Оля поспешно потянула девочку прочь.

– Это пижама для дяди, солнышко. А нам надо для девочек. Это вон там, пойдем.

Они обе получили море удовольствия от шоппинга. Видимо, аверинская пассия часто баловала дочку разными нарядами. Анютка с удовольствием мерила выбранные платьица, в то время как Настя проделывала это же с видом вселенской мученицы.

Оля купила девочке платье, джинсы со свитером, домашний костюм и пижаму. Еще тапочки и новую расческу. Теперь смотрела на лазающего по веревочным лестницам лабиринта ребенка, а сама пила капуччино с пышной шапкой молочной пены.

Ожил телефон, заиграла знакомая мелодия. Волошин.

– Дядя Сережа, доброе утро, – кивнула на приветствие из трубки, – что-то случилось?

– Оленька, я просто подумал, что тебе надо знать, – Волошин прокашлялся, неумело маскируя смущение. Сердце застучало чуть сильнее. – Мы пробили по этой Виноградовой. Очень своеобразная особа. Нигде не работает, сидит с ребенком, при этом живет в ста квадратах в фешенебельном районе. Не столичная штучка, конечно, но и не село. Не замужем, но живет явно не по средствам. Я запросил свидетельство о рождении девочки…

– И? – сердце уже ощутимо колотилось где-то в горле.

– В общем… Отчество ее – Константиновна.

«Какой же ты, все-таки, гад, Аверин…»

* * *

А чего она ждала? Оля на автомате улыбнулась Анечке и помахала девочке рукой. Та повисла на веревочной лестнице, состроив забавную рожицу. Оля вздохнула.

Что она узнала особенного? Или все-таки надеялась, что девочка похожа на Аверина совершенно случайно, а пострадавшая Виноградова приехала в столицу найти знакомого, которого тоже совершенно случайно зовут Костя Аверин?

Ну бред же. Однако, расказанное Волошиным внесло в ее душу еще больший раздрай. Молодая – слишком молодая! – незамужняя девушка с ребенком живут в достатке, у девочки официальное отчество Константиновна. Может ли это говорить о том, что Аверин знает о ребенке и, так же, как и всем своим бывшим контрактницам, помогает Юлии и дочке?

Нет, она пока еще не сошла с ума, и в сказки об аверинской уникальной регенерации верит так же, как и в его две игрек-хромосомы. Но все-таки… Костя все время говорил о сыновьях, а выходит, у него есть девочка, и он о ней знает,

обеспечивает материально и… не общается?

А вот это совсем не похоже на Аверина. Хвастаться сыновьями и скрывать дочь это вовсе не в его характере.

– Дядя Сережа, – звонить Волошину было стыдно, но без конца варить все это в своей голове тоже не хотелось, – а в свидетельство Аверин вписан как отец?

– Нет, – прозвучал немного озадаченный голос из трубки, – там вообще никто не вписан, прочерк стоит.

– Просто я подумала, что Аверин не стал бы помогать этой Виноградовой, если бы она отказалась записать на него дочь, – забормотала Оля, оправдываясь. – Он же помешанный. У него все должно быть оформлено и задокументировано.

– Я тоже об этом думал, Олечка, – задумчиво ответил Волошин, – но кто ж их разберет, этих миллионеров. Может им всем сыновей подавай наследников, а дочка – так, в нагрузку?

Ну нет, с этим Оля была решительно не согласна, но не делиться же ей с Волошиным! Она торопливо попрощалась и обернулась на знакомый голос.

– Оля, здравствуй!

Ей радостно улыбался рыжеволосый мужчина с залысинами. Оля порылась в памяти и выудила имя – Олежка. Они вместе проходили интернатуру, он пытался за Олей ухаживать, но безрезультатно. И в итоге в прошлом году привез ей в отделение жену с аппендицитом.

Жена сейчас стояла рядом, вцепившись в его локоть с таким видом, будто все окружающие женщины готовы бороться с ней за Олежку до первой крови.

Оля вспомнила, что они знакомы и приветливо улыбнулась. В конце концов, никто не виноват, что у неё ужасная память и на имена, и на лица.

– Оль, а напомни, сколько диету держать после операции? Через месяц уже можно суши есть? Анжелочка просит, а я уже забыл.

Олежка ушел работать в фармацевтическую компанию, начал хорошо зарабатывать и страшно этом гордился.

– А какая операция?

– Так аппендицит!

– Снова? Олег, мы твоей жене ещё в прошлом году аппендикс вырезали. Разве может быть два аппендикса? Ты еще скажи, что он заново вырос! Забыл уже, чему тебя учили?

– Двух аппендиксов быть не может, – с недовольным видом ответил Олег, – я это прекрасно помню. В вот вторая жена может быть вполне!

Анютка выскочила из лабиринта раскрасневшаяся и довольная, бросилась к присевшей на корточки Оле. Обхватила за шею перемазанными ладошками и задышала в ухо.

Оля прижала к себе девочку, а потом начала дуть на взмокший лобик с прилипшими темными прядями.

– Это ваша девочка? – спросил Второй Аппендицит, тьфу ты, Вторая Жена, как ее там?..

– Анжелочка, у Оли нет детей, – со скорбной физиономией проговорил Олежка. – Или ты удочерила девочку, Оля?

«Точно, Анжелочка… Что? Удочерила?»

– Это дочь моей знакомой, – ответила Оля, хватая за руку Анютку и уводя подальше от любопытно пялящейся на девочку парочки. Как в зоопарке, честное слово… – Всего хорошего. А диету можно и дольше соблюдать, хуже точно не будет.

– Пойдем на каток, – предложила малышке.

«Там точно никаких знакомых!»

Встала в очередь в прокат, чтобы подобрать себе и Анютке коньки. Девочка прилипла к ограждению и с восторгом следила за ледозаливочной машиной.

– Олька! Сколько лет, сколько зим! – подняла глаза и увидела бывшую сокурсницу Натку. За руку бывшей однокурсницы держался мальчишка лет семи.

– Привет, – без особого энтузиазма отозвалась Ольга.

Натку было сложно вынести из-за бесконечного потока самых удивительных словесных конструкций. С другой стороны, она отдыхала от Натки уже семь лет, поэтому потерпеть недолго было можно.

– Как дела? Все хорошеешь! – затараторила та. – Слышала, ты развелась? Слушай, правильно, только что детей нет, плохо, конечно. Ты это, мать, не тяни, рожай для себя, а то часики, знаешь, тикают…

– Натка, извини, мне надо идти, – Оля направилась к Анечке, проклиная собственное неумение посылать подальше таких как Натка.

– Ты что, удочерила ребенка? – понеслось в спину изумленное. Однокурсница переводила взгляд то на Анечку, то на Олю. – А чего же не сказала? И правильно, кому нужны эти роды. Только фигуру зря портить.

– Слушай, – повернулась к ней Ольга и недобро блеснула глазами, – заткнись, а?

– А что я такого сказала? – удивилась Натка. – Я за тебя переживаю, гены пальцем не задавишь, а нормальные люди от детей не отказываются.

Оля демонстративно перешла на другую половину раздевалки и присела зашнуровать Анечке коньки. А сама представила на секунду, что и правда удочерила девочку. И теперь на каждом шагу им попадаются знакомые, вот такие наглые и бестактные. А ведь Анечка все понимает, хоть и маленькая.

Внезапно ее охватила злость. Не выдержала, достала телефон – фото Анютки так и висели не просмотренными.

Оля хмуро погипнотизировала экран, а потом пальцы сами набрали текст:

«Если тебя хоть немного интересует собственный ребенок, ты отзовешься. Твоя бывшая в реанимации, дочь у чужих людей. Какой же ты гад, Аверин!»

То, как она возмущенно посверкала глазами, Аверин видеть никак не мог. Быстро, пока не передумала, нажала «Отправить» и сунула телефон во внутренний карман куртки.

* * *

Они насмеялись и надурачились вволю. К концу сеанса малышка уже неплохо стояла на коньках, она правильно группировалась, ноги не разъезжались. И вообще, дети намного лучше поддаются обучению, чем взрослые. Вспомнить того же Богдана, которого она так и не научила кататься. Его максимум – хождение вдоль бортика катка.

Достала телефон посмотреть на время – по привычке, над катком горело электронное табло. Скользнула взглядом по экрану, и сердце сделало кульбит. Тройной с переворотом. Галочки, стоящие на всех ее сообщениях, окрасились в темные оттенки. И, значит, Аверин ее послание получил.

Глава 7

Все утро Оля прикидывала, где меньше всего шансов повстречать толпу знакомых доброжелателей и пришла к выводу, что городской парк подходит для этих целей лучше всего. Она не была там сто лет, поэтому если кому кому-то и захочется ее встретить, там искать будут в последнюю очередь.

– Солнышко, мы идем кататься на качелях и кормить уточек, – сказала она Анютке после завтрака.

На завтрак у них сегодня был омлет, сосиски и сладкие булочки с маслом и джемом. Малышка все время вертелась рядом и старалась помочь Оле, из чего та сделала вывод, что Юлия хоть и молодая мама, но к воспитанию дочки относится ответственно. Или все-таки какое-то участие принимает отец?

Конечно, проще всего было показать девочке фото Аверина и спросить, знает ли она этого дядю. Но Оле было стыдно использовать ребенка, кто знает, какие чувства вызовет у нее Костя?

Столичный парк Оля считала красивым и ухоженным. Правда, до тех пор, пока не попала в один особняк и не увидела, что такое красивый и ухоженный парк. Но хозяина особняка это не слишком коробило, поэтому горожанам приходилось довольствоваться тем, что есть.

Они с Анюткой покормили уточек, живущих в озере посреди парка, специально купленным батоном. Теперь Оля сидела на скамейке возле детской площадки и наблюдала как Анютка увлеченно прыгает с одой качели на другую.

– Ты Оля? – послышалось сбоку. Обернулась. Рядом на скамейке, закинув ногу за ногу, сидела красивая, можно сказать, очень красивая девушка. В руках она держала картонный стакан с логотипом известной кофейни.

Наметанный глаз пускай и не пластического, но хирурга, сразу же определил во внешности незнакомки соотношение своего, натурального, и приобретенного – несомненно удачного и дорогостоящего. Губы, ресницы, грудь и волосы – апгрейд, а остальное уже без разницы. Зато в целом эффект был умопомрачительный.

– Ну, допустим. А вы?..

– Лия.

– Лия. Отлично. А в миру?

– Что? – удивленно переспросила та.

– Да так, ничего. Какой диагноз? – уточнила Ольга, и, глядя на оторопевшую Лию, пояснила: – Я доктор, хирург. Обычно незнакомые люди обращаются ко мне только когда нуждаются в операции. И все по рекомендациям знакомых.

– Это его дочка? – вместо ответа спросила Лия, указав подбородком на Анютку. Девочка выглянула из деревянного домика с цветными окошками и состроила забавную мордашку.

Оля и не подумала переспрашивать, кого «его». Дураку ясно, кого.

– Оля, пить! – малышка подбежала к рюкзачку, с любопытством поглядывая на незнакомую тетку.

– Ох… Охренеть, – ошалело проговорила Лия и, дождавшись, пока Анечка снова убежала в домик, повернулась к Оле, – на него ни один его ребёнок так не похож.

И тогда ее озарило.

– Ах вот оно что! Клуб бывших жен?

– Куда уж нам, – проворчала Лия, отпивая кофе из стакана, – просто бывших.

– А вы, простите, Лина…

– Лия, – поправила та.

– Ах да, Лия. Вы какая по счету будете? Или у вас там должности какие-то имеются? Старшая по гарему, к примеру.

Оля надеялась смутить девушку, но та и бровью не повела.

– Не язви, – довольно миролюбиво ответила она Ольге, – мы все на равных. Каждая из нас хотела Аверина за одно место удержать, но ни у кого не получилось. Я им давно предлагала создать группу в соцсетях и назвать «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Оля чуть не поперхнулась.

– А вы что, все общаетесь?

– Кто все? – чуть высокомерно приподняла бровь Лия. – Мы втроем общаемся с девочками, они нормальные. А те две вообще безбашенные, хоть мальчишки у них хорошие. Что ты смотришь на меня как на идиотку? Дети общаются, они же братья. Костя их у себя часто собирает, без нас. И они прекрасно находят общий язык.

– Как ты… вы… – у Оли даже язык заплетался от волнения. И возмущения. В конце концов, она решила наплевать на реверансы. – Как ты это терпишь?

– Я? – усмехнулась Лия. – А разве у меня был выбор? Если бы я знала, что так будет, ни за что бы не стала… В общем, если тебе интересно, то, когда беременеешь от Аверина, он мгновенно перестает видеть в тебе женщину, и ты превращаешься в инкубатор на ножках. Это как помешательство какое-то. Я не верила, думала, врут девки, у меня получится его заарканить. Женить на себе. Я же такая классная! А фиг!

– Зачем? – не могла понять Оля. – Зачем тебе было его женить? Ты влюбилась?

– Ты Аверина вживую вообще видела? Ах да, ты же его оперировала, – спохватилась Лия. – Чего тогда спрашиваешь? Разве в него можно не влюбиться? Ну и деньги, конечно, не буду кривить душой. Костя не жлоб как некоторые… Но винить мне его не в чем, все по-честному. Я его подловить хотела, у меня получилось. И ты знаешь, я ведь чуть аборт не сделала, когда поняла, что ничего не выгорит у меня с замужеством. Но в контракте насчет этого пункт есть, у Аверина бзик какой-то с этими абортами. Он приехал, пообещал денег добавить, чтобы я только не избавлялась от ребенка. Выносила, родила и ему отдала. Пришлось выполнять. И я ему теперь даже благодарна за Ваньку. Ивану семь, он четвертый у Кости. У нас с мужем еще один сын, так ты знаешь, муж на Ваньку не надышится, наш та еще оторва…

Оля смотрела во все глаза и не могла поверить, что слышит это в нормальной жизни, а не смотрит по телевизору передачу «Будни сумасшедшего дома».

– И тебе не тошно в этом гареме? – не выдержала она.

– В гареме? – удивилась та. – Нет никакого гарема. Девочки все замужем, даже те две дуры. Причем все за границей живут, я среди них самая неудачница. Ну ничего, мы тоже может уедем, чуть позже.

Поднялась и выбросила стакан в урну.

– Я так поняла, Костя про дочку не знает? Не завидую я этой малолетке, ее Аверин с косточками сожрет. Я вот тогда втайне думала, что, если у меня будет девочка… Но нет, он только на пацанов способный.

– Лия, – Оле было ужасно неловко спрашивать, и все же она решилась, – но почему?

– Что почему?

– Почему он себя так ведет? Почему не женился ни на ком из вас? Он же вас сам выбирал?

– Значит, не для того выбирал, – усмехнулась Лия. – Для него мы – всего лишь сборище форс-мажоров. Думаю, просто он не умеет любить. Или не хочет. Женщины для него существуют исключительно как временное явление. Возможно, у него просто отсутствует орган, вырабатывающий гормоны любви. Но ты врач, тебе виднее. Он и детей своих любит, наверное, больше, как проявление себя. И надо же, чтобы ни один сын на него не был похож! Скажи, насмешка природы? Ванька вот на мужа похож, серьезно, его родители в шоке, что так бывает. Аверин сам в шоке!

– Вы что, дружите семьями? – снова чуть не подавилась Оля.

– Мой муж в прокуратуре работает. В генеральной. Они по работе общаются. Так что не третируй своего Волошина, – Лия подтянула поясок на плаще, – он ни при чем. Мне муж про тебя рассказал и про дочку Кости, а с тобой я сама познакомиться захотела. Знаю, что Костя запал на тебя, вот и стало интересно, ты уж извини…

Она повернулась и пошла по аллее. Отойдя на несколько шагов, обернулась.

– И мой тебе совет. Не беременей от Аверина. Если послать сил не хватит, то хотя бы не беременей. Так ты еще быстрее его потеряешь.

Оля только кивнула, шокированная, оглядываясь то на играющую Анютку, то на стройную спину удаляющейся девушки.

– Подожди, Лия! – крикнула она вдогонку. – Как ты меня нашла?

– А ты геолокацию не отключай, тебя еще и не такие как я найдут! – крикнула та в ответ и пошла по аллее на выход из парка.

* * *

В понедельник с утра Оля вернула Анютку в больницу. Вчера вечером девочка вспомнила маму, расплакалась, и Ольга еле ее успокоила. Пообещала, что, если разрешат доктора, они посмотрят через стекло, как мама спит.

Утром малышка всю дорогу спрашивала, пойдут ли они к маме. Оля отвечала, что обязательно пойдут, когда закончится ее смена. Проведают маму и поедут домой.

Пока переодевалась, поймала себя на том, что все время думает о девочке. Хоть и договорилась с медсестрой, что та будет звонить в случае чего, но внутри все равно было неспокойно.

Наверное, все матери так волнуются о своих детях? Но она не мама Анечке и не может ее заменить, вчерашний вечер хорошо это показал. Да это, наверное, и неправильно – когда-то же пациентка Виноградова придет в себя?

Плановая операция – лучший способ переключить мозг, и уже стоя в операционной Ольга думала не об Аверине и Анютке, а о предстоящей холецистэктомии. Желчный Пузырь оказался тучным мужчиной средних лет, в лицо ему Оля по привычке не смотрела – успеет еще познакомиться при обходе.

Операция прошла в рабочем режиме, без происшествий и осложнений. Вернувшись в ординаторскую, Ольга выпила большую чашку чая и немного потупила, глядя в стенку.

– Ольчик, в реанимации очнулась та девица, которую вы с Антохой на дороге подобрали, – сказал Шевригин, входя в ординаторскую. – Я помню, ты бегала ее проведывать, вот и решил, что тебе будет интересно. Там ментов понаехало…

Но Оля последнюю фразу не слышала – бежала в реанимационное отделение.

К Виноградовой ее не пустили. Юлию перевели в палату, и у нее уже сидел следователь, который занимался расследованием ДТП. Коллеги не слишком охотно сообщили, что пациентка в себя пришла, но ничего толком рассказать не может. Зато помнит про дочку, которую к ней еще не приводили.

– Иди, Оль, мы тебя все равно сейчас не пустим, пока полиция здесь. Дальше будем на ее состояние смотреть.

– А когда девочка сможет увидеть маму? – Олю терзала мысль, что она не сумеет выполнить обещание.

– Хотя бы пускай полиция уедет.

Вернулась обратно и снова ушла в операционный зал. А когда после в ординаторскую ввалился заведующий отделения Славский и начал слезно упрашивать ее остаться на сутках, потому что у Голубых случился какой-то форс мажор, поверила, что мысли материальны.

Конечно, она согласилась тем более, что Антон сам перезвонил. У него заболела мать, пришлось срочно ехать в другой город, и, конечно, его отпустили.

Оля с тяжелым сердцем пришла в детское отделение, но оказалось, что Анечку уже водили к маме. Это Оле шепотом рассказала старшая медсестра.

– Надо было видеть их встречу, Оль, прям до слез!

Девочка расстроилась, что придется остаться в больнице. Оля честно сказала, что забрать ее сможет только завтра вечером. Смена закончится утром, но днем ребенок должен находится в стационаре, и, возможно, им снова разрешат увидеться с Юлией.

На обратном пути Ольга снова свернула в реанимацию. Ее провели в палату к Виноградовой, но предупредили, чтобы никаких длительных и нервных бесед она не заводила.

Несмотря на серую больничную постель девушка уже не казалась такой бледной. Она смотрела в окно и выглядела гораздо лучше, чем ее соседи по палате. Вот что значит молодой здоровый организм! При виде Ольги Юлия оживилась.

– Доктор, мне сказали, если я буду себя хорошо чувствовать, меня переведут в травматологию. А когда я смогу встать? Я хочу увидеть дочку…

– Я не ваш лечащий врач, – перебила ее Оля, – мое имя Ольга. Мой коллега оказал вам первую помощь после того, как вас сбила машина. Ваша девочка на выходных была у меня, и, если вы не против, я буду забирать ее на ночь и выходные, пока вы не поправитесь.

– Так вы та самая Оля! – девушка улыбнулась и попыталась привстать на подушке. – Мне Нютка все уши о вас прожужжала. Спасибо вам!

– И еще, – Оля недослушала, она должна была поскорее с этим покончить, – вы просили меня найти Константина Аверина. Я выполнила вашу просьбу и сообщила ему о вас.

Сотни вопросов рвались наружу, но опускаться до уровня Лии Оле не хотелось. Вполне хватало того, что творилось в ее голове и душе.

– Какого… Какого такого Аверина? – облизала сухие губы Юлия, и Оля с изумлением обнаружила, что та заволновалась. И не просто заволновалась, испугалась. – Никакого Аверина я не знаю.

– Ну как же, – она едва сдержала негодование, – того самого, чей номер телефона вбит в вашу телефонную книгу.

«И, на которого как две капли воды похожа ваша дочь», – чуть было не произнесла вслух, но к счастью, тоже удержалась. Зато нашла его фото в галерее телефона и повернула экран к девушке:

– Вот этого.

– Впервые вижу, – буркнула та, сверкнув глазами, и в этот момент что-то мелькнуло у Оли в голове, мелькнуло и пропало. – Я дизайнер, мало ли чей телефон есть в моей книге. Может, он собрался заказать у меня проект.

«Аверин? У такой пигалицы как ты? Да он тебе держатель для туалетной бумаги выбрать не доверит, какой уж там проект!»

И снова Оля смолчала. Даже немного успокоилась и взяла себя в руки.

– Я не знаю, какие у вас отношения с этим человеком. Он мое сообщение получил и прочел, так что надеюсь, скоро будет здесь, и вы уж сами разбирайтесь. А я завтра вечером заберу Анечку, если вы ничего не имеете против. Сегодня я на сутках, заменяю коллегу. До свидания, выздоравливайте, – направилась к выходу и уже стоя в дверях добавила: – Если вдруг захотите что-то рассказать, я в хирургическом отделении, Ольга Михайловна Кетлер. Попросите, меня позовут.

Юлия ничего не ответила, только сверкнула на прощание глазами, а у Оли снова что-то мелькнуло и пропало. Она даже рассердилась на себя. Но в одном она была уверена – Виноградова врет как дышит. И Аверина боится, как черт ладана.

«Аверин эту малолетку с косточками сожрет», – вспомнились слова Лии. Оля про себя хмыкнула. А ведь аверинская бывшая права, сожрет и не подавится. Ну да это уж точно не ее печаль.

Ночь выдалась тяжелая, утром Ольга едва стояла на ногах. Забежала поздороваться с Анюткой, принесла шоколадное яйцо с игрушкой внутри и пообещала вечером ее забрать. Домой поехала на такси и уснула как убитая.

Проснулась только потому, что завела будильник. Все тело тянуло – наверное, ПМС, вон как ее все раздражают. Наскоро заварила кофе, сбегала в душ и как раз к обещанному времени входила в детское отделение.

– Нет Анечки, ее мать увела, – ответила расстроенная медсестра.

– Как увела? – не поняла Оля.

– Да как-как! Сама сбежала и ребенка увела.

Оля бегом понеслась в отделение интенсивной терапии.

– Она ныть начала и проситься в травматологию, а у нас сама знаешь как с местами. Вот ее после обхода и перевели. А там следователь пришел, они поговорили, Виноградова ушла проведать дочку. Как вещи взяла, никто не заметил, сказала, что девочку в кафетерий поведет, сама вывела ее из больницы и фьють! Поминай, как звали! – сообщил Семен, тот самый приятель Голубых.

– Но она же нездорова, как ее выпустили? – не могла успокоиться Оля. – Еще и с ребенком!

– А кто удержит? У нас международная хартия прав человека подписана, никакого принудительного лечения. Ну не стала ждать выписки, ее дело.

– А как же следствие?

– Не знаю, Оль, – развел руками Семен, – это пусть полиция разбирается.

Ольга вышла в коридор и набрала Волошина. Тот кратко высказался в адрес Виноградовой и пообещал перезвонить. Перезвонил через пять минут.

– Она в отказ ушла, Оля, написала заявление, что претензий к сбившему ее водителю не имеет. А нет трупа – нет дела, сама знаешь. Но что ребенка из больницы забрала, нам на руку, этим можно ее прищучить. Девочку недообследовали, а это оставление ребенка в опасности, может прокатить, так что жди меня, скоро буду.

Она вышла в коридор и без сил опустилась на диван, ноги дрожали то ли от волнения, то ли от недосыпа. Скоро набежала тьма народу, даже начмед зачем-то явился. Но она почувствовала раньше, чем увидела. Волоски на теле встали дыбом, по позвоночнику хлынула горячая волна.

Ольга подняла голову и увидела, как по больничному коридору идет Аверин.

Глава 8

– Где она? – услышала Ольга отрывистое и инстинктивно отодвинулась за массивную фигуру одного из набежавших. Вернее, за его выдающийся живот.

От стоящего гула и количества людей все вокруг казалось размытым, или это от того, что она не выспалась?

Осторожно выглянула из-за своего укрытия – Аверин сканировал присутствующих цепким взглядом, и она вновь спряталась за спасительным выступом.

– Ну наконец-то, – послышался ворчливый голос Волошина.

– Где она, Сергей? – нетерпеливо повторил Аверин.

– Так увела ее мамка, малолетка эта, кто ж теперь знает, куда…

– Я спрашиваю, Ольга где? – рявкнул Аверин.

Оля вжалась в спинку дивана, но укрытие оказалось не таким надежным и внезапно отошло в сторону, а сама она оказалась как на ладони.

Пришлось поднять глаза и сделать вид, что увлеченно рассматривает Аверина. Хотя что его рассматривать? Все как обычно. Элегантное пальто за неприличное количество тысяч евро небрежно расстегнуто, белый пуловер оттеняет загорелую шею, глаза сверкают как мигалки на полицейской машине.

Оля поспешно осмотрела себя и закусила губу. Она собиралась просто забрать малышку из больницы, поэтому по-быстрому натянула джинсы, спортивную кофту и куртку. Стало очень обидно. Ну почему у нее всегда так? Все эти дни она подсознательно ждала встречи с Авериным, тщательно подбирала одежду и даже делала легкий макияж. И волосы красиво укладывала.

Но Косте вздумалось явиться именно тогда, когда на голове обычный хвост, хорошо хоть, высокий…

Аверин вперил в Ольгу сверлящий взгляд, его глаза вспыхнули, зрачки сузились, и он оказался рядом за доли секунды. Она беспомощно посмотрела по сторонам и сделала попытку подняться.

– Здравствуй, Костя, – пробормотала под нос и плюхнулась обратно под натиском сильных рук.

Одной рукой Аверин уперся в стену, второй – в боковую ручку дивана. Его лицо оказалось совсем близко. Оля безуспешно пыталась придать себе безразличный, незаинтересованный вид.

– Это не моя дочь, – твердо сказал Костя, глядя ей в глаза.

– Что? А, нет, не может быть, – замотала она головой.

– Оля, еще раз. Это не моя дочь, – повторил он упрямо, но уже над самым ухом, его теплое дыхание окутало шею, и Оля подавила в себе глупое желание улыбнуться. Да ни за что!

– Ты просто ее не видел, Костя, – торопливо возразила, глядя на Аверина снизу вверх.

Он с минуту ее рассматривал, затем коротко бросил, полоснув буравящим взглядом:

– Сиди здесь и никуда не уходи. Никуда, Оля! – отошел в сторону и выудил из толпы Волошина.

Если бы она и захотела уйти, ей пришлось бы ползти по-пластунски, потому что ноги дрожали и стоять не собирались. В голове не было ни одной мысли, Ольга старательно их отгоняла. Потому что стоило представить сегодняшний вечер без Анютки, в груди сворачивался тугой саднящий узел.

Аверин вернулся, взял ее за локти и приподнял над полом.

– Поехали.

– Куда? – не поняла она, делая жалкие попытки сопротивляться.

– К тебе домой, – Костя дальше не стал объяснять, просто вынес ее к машине.

Машина была новой – очередной громадный внедорожник. Неизменно черный и, если бы сейчас сияло солнце, оно бы весело играло бликами на его глянцевой поверхности. Но солнца не было, его заменяли фонари и огни витрин.

Аверин усадил Олю на переднее сиденье, сам сел за руль и погнал автомобиль в сторону ее дома.

– Зачем мы едем ко мне? – вопрос прозвучал двусмысленно.

Ответа не последовало. Оля отвернулась, чтобы Костя не увидел, как она покраснела. Почему ей в такой ответственный момент в голову лезут неприличные мысли?

Они вместе поднялись на этаж. Ольга достала из сумочки ключ, умудрившись дважды его уронить. А потом не могла справиться с дрожью в пальцах, пытаясь вставить ключ в замочную скважину.

Костя стоял сзади, дышал в спину, и это мешало еще больше. Ключ безрезультатно царапал ободок, наконец, Аверину это надоело. Он крепко сжал ее руку с ключом, сунул в скважину и два раза провернул. Помнит же, в какую сторону…

Оля поскорее ввалилась в квартиру, чтобы только не слышать за спиной частого дыхания. Аверин отодвинул ее с порога и прошел дальше, в последний момент задержавшись, чтобы сбросить свои супердорогущие лоферы.

– Ты куда, я вообще тебя не приглашала! – сказала она больше для очистки совести и поплелась вслед за Авериным.

Мужчина сосредоточенно оглядывался по сторонам, методично открывал подряд ящик за ящиком, заглядывал в каждый угол. В последний момент Оля задвинула перед его носом ящик с нижним бельем, снова вспыхнув как школьница.

– Одежда, игрушки, что-нибудь, что принадлежит ребенку, – Костя уставился на нее с ожиданием. – Чашка, из которой она пила, столовые приборы, на которых могла остаться ее слюна?

Оля отрицательно покачала головой. Пижамку Анютка попросилась взять с собой, чтобы надеть в больнице. Платье Оля постирала, посуда в посудомоечной машине помыта со вчерашнего утра.

Костя снова принялся кружить по квартире, пока наконец не добрался до спальни. Отодвинул ящик тумбочки, где лежали фен и щетка для волос.

– Это что? – поднял он вверх круглую щетку.

– Брашинг, для укладки. Я расчесывала им волосы Анечке, когда их сушила. Они у нее очень густые, как у тебя, и простая расческа не справлялась. Не бойся, она новая, ею еще никто не пользовался. И чистая, я специально помыла детским шампунем.

Она запнулась, увидев в глазах Аверина лихорадочный блеск. Он внимательно рассмотрел расческу, потом поднес ее к свету.

– Дай пакет, – скомандовал, – чистый.

Оля принесла из кухни пакет, Костя положил в него расческу и направился в коридор. Ольга вспомнила, что она хозяйка, а Аверин, хоть и с большой натяжкой, какой-никакой гость. Чай-кофе она ему, естественно, предлагать не собиралась, но провести к выходу не мешало бы. Как минимум для того, чтобы убедиться, что он ушел. Ну и закрыть дверь. На оба замка.

Она вышла в коридор вслед за Авериным. Он не спеша обулся, а затем развернулся всем корпусом.

– Совсем забыл. Мы с тобой не поздоровались. Это никуда не годится, Оля, – он положил на полку пакет с расческой и не особо бережно вжал ее в стену.

– Ну, здравствуй, милая, – проговорил полушепотом и впился в губы. Оля не успела ни запротестовать, ни возмутиться. Да и не особо хотелось, если честно…

Костя оторвался от нее с видимым сожалением, и тогда она нашла в себе силы отпихнуть его за плечи.

– Не смей больше, – сказала она, задыхаясь, – никогда не смей меня целовать, слышишь?

– Конечно слышу, у меня абсолютный слух, если ты помнишь, – кивнул Аверин, открывая дверь и беря пакет с расческой. – А ты не смей мне не верить.

И закрыл за собой дверь прямо перед ее носом.

* * *

Ольга угрюмо разглядывала свое отражение в зеркале собственной прихожей.

– Не смей мне не верить! – передразнила она Аверина, копируя его интонацию. А потом тяжело вздохнула. – Да пошел ты…

Аверин снова исчез, и Оля не уставала поражаться собственной наивности. На грани с идиотизмом.

Как?! Ну как она могла даже мысль допустить, что он приехал в больницу из-за нее?! Сколько можно быть такой доверчивой дурой?!

Как бы горько ни было, приходилось признать: когда Косте что-то необходимо, он это получает. А если для достижения цели нужно кого-то использовать, он не стесняется и выжимает на полную.

Так кого следует винить? Только тех, кто ему позволяет это делать, разве могут быть другие варианты?

Аверину нужен был биоматериал девочки, он его пришел искать к Оле. А она уже наворотила себе вагон и маленькую тележку…

Конечно, спрашивать у Волошина, где Костя – позорнее не придумаешь, зато поинтересоваться судьбой Анечки Ольга имеет полное право.

– У нас по ней ничего определенного, детка, – ответил Волошин. Судя по шуму из трубки, он был на улице.

– У вас? – переспросила Оля. – А что, может быть еще у кого-то?

– Извини, параллельный звонок, я тебе перезвоню, как что-то станет известно, – Волошин торопливо завершил разговор и отключился.

Оля еще какое-то время таращилась в потемневший экран, потом решительно тряхнула головой, отгоняя ненужные сомнения, и открыла телефонную книгу.

* * *

– Через центр не поедем, – предупредил Антон, выруливая на объездную, – если и сегодня наше свидание сорвется, я поверю в порчу и сглаз и пойду их снимать.

– Какое свидание, Антон, я просто позвала тебя в суши-бар поесть роллы с угрем, – отозвалась Ольга с пассажирского сиденья.

– Называй как хочешь, – у мужчины явно было хорошее настроение, и она решила его не портить. Следила за дорогой, хоть не совсем понимала, куда он ее везет.

– Антон, но «Мураками» совсем в другой стороне! – обернулась к Голубых, когда узнала пейзаж.

– Я решил воспользоваться советом одного твоего знакомого олигарха, – хмыкнул тот, – и решил тебя украсть по-настоящему.

Оля не стала развивать тему своего знакомства с высшими силами этого мира и оправдываться тоже не стала. Узнал и узнал, а если интересно, зачем она была нужна олигарху Ямпольскому[7 - Персонаж из книг «Миллионер против миллиардера», «Он тебя не любит», «Найди меня, Шерхан».], пускай у него и спрашивает.

Как ни удивительно, но из города выехали без приключений, хоть и дали немалый крюк по объездной. Зато потом понеслись по трассе, и у Ольги возникло стойкое ощущение дежавю. По этой же дороге совсем недавно она ездила особняк Ямпольского, и, казалось, все это происходило совсем в другой жизни.

Антон привез ее в «Сан Рэй», туда, где играли первую, настоящую свадьбу Данки и Данияла. Локация Оле нравилась, за эти годы тут достроили целый коттеджный городок, а зона отдыха расширилась до самого леса.

– Мы же договаривались просто поесть суши! – с упреком сказала она Антону.

– Здесь тоже есть роллы с угрем, – улыбнулся тот обезоруживающей улыбкой.

– Но здесь безумно дорого! – Ольга взяла его за локоть. – Антон, если я знакома с Ямпольским, это не значит, что у меня запросы выше крыши. Меня вполне устроил бы «Мураками».

– Не переживай, Оленька, я не стану просто так пускать пыль в глаза. Это не нужно ни мне, ни тебе. Владелец заведения – мой сослуживец, мы в одной точке вместе были, он считает себя обязанным, и для меня главное не приезжать сюда, когда он здесь. Иначе с меня вообще денег не возьмут.

– Ты спас ему жизнь? – догадалась она.

– Я просто делал свою работу. Пойдем, – мужчина крепко взял ее за руку, и Оля решила, что раз так, пускай будут суши за городом.

Сначала все было отлично. Они с Антоном заказали сет из роллов и суши, вспоминали забавные истории и много смеялись. А потом Антон предложил выпить сливового вина, и она напряглась.

– Ты же за рулем!

– Здесь очень комфортные номера, Оля, мы можем остаться, – он накрыл ее руку своей, – если захочешь, вместе. Если нет, я сниму два отдельных сингла. Я просто хочу провести с тобой не сутки в ординаторской и операционной как коллега. А сутки в приятном месте как мужчина с женщиной, которая нравится. Ты мне очень нравишься, Оленька…

Он накрыл ее руку второй ладонью, Оля подняла голову и увидела Аверина, который как раз входил в зал ресторана. За ним шел администратор и что-то говорил, будто оправдывался.

«У всех нормальных людей глюки как глюки, а у меня даже глюк – Аверин», – уныло подумала она, глядя, как тот обводит взглядом зал, и, полыхнув своими полицейскими мигалками, идет к их столику.

Пожалуй, не стоит развлекать присутствующих тем, как он начнет отдирать руки Антона от ее рук. Оля осторожно высвободилась как раз к тому моменту, как над ними навис Аверин.

– Оля, я ищу тебя по всему городу. Пойдем, мы и так опаздываем.

– Мистика, – выдохнула Ольга, сообразив, что это не глюк, а настоящий Аверин.

– Это не мистика, – сердито ответил Антон. – Ты вообще кто такой? Вали отсюда, мужик!

– Костя, я… – начала было Оля, но ее бесцеремонно прервали, подняв за локти.

– Отпусти ее, – поднялся Антон.

– Поехали, Оля, – Аверин развернул ее к себе и посмотрел в глаза. – Я тебе обещал, что ты во всем убедишься сама?

Она нерешительно кивнула.

– Значит поехали. Потом разберемся, мужик, не до тебя сейчас, – отмахнулся он от Голубых.

– Подожди, – Ольга отпихнула Аверина и подошла к Антону.

– Извини. Мне действительно нужно уехать, я тебе потом перезвоню.

– Это кто такой, Оля? Что вообще происходит? – Антон то непонимающе смотрел на нее, то переводил тяжелый взгляд на Аверина. – Если он тебя вынуждает, я…

– Это мой пациент, – нашлась она и поспешила добавить: – Бывший.

Больше ничего сказать не успела, ее потянули к выходу. Аверин по пути сунул официанту купюру, бросив через плечо, чтобы тот отминусовал сумму со счета за девушку, и впихнул Ольгу в свой внедорожник, подогнанный к самому входу в ресторан.

– Как ты меня нашел? – возмущенно спросила она, даже не пытаясь сопротивляться, и тут же догадалась сама. – Точно! Геолокация! Я так ее и не отключила, балда.

– У меня свой геолокатор есть, собственный, – ответил Костя, закрывая дверцу машины, – настроенный исключительно на тебя. Так что спрятаться от меня не получится.

– Антон прав! – возмущенно сказала она, расправляя юбку. – Нас с ним точно сглазили. Пора идти порчу снимать.

– Пусть твой хахаль снимать идет. Яйцами хорошо выкатывать, – посоветовал Аверин, усаживаясь за руль – помогает. Пристегнись, Оля.

– А ты откуда знаешь? Сам пользовался, или услуги оказываешь? – спросила язвительно.

– Да нет. Я в основном отбиваю. Но некоторым могу выкатать, – без тени улыбки ответил Аверин, и Ольга поняла, что он очень зол. И еще почувствовала, что причина не она и даже не Антон.

– Куда мы едем? – спросила, когда молчание в салоне стало густым и тягостным.

– Ко мне, – тон Аверина был таким, что Оля проглотила уже сорвавшееся было с языка возмущение.

Два слова. Всего два слова, сказанных так, что пробирает до косточек. Вот только смысл их сейчас был совсем другой. Оля ничего не сказала и уставилась на дорогу.

Глава 9

Некоторое время ехали молча.

– У тебя по генетике что было? – спросил Аверин, и Оля поняла, что он немного успокоился.

– У меня красный диплом.

– Тогда возьми на заднем сиденье папку.

Ольга перегнулась и потянула тонкую кожаную папку. Мягкая кожа, наверное, тоже дорогая. Открыла – внутри лист бумаги с печатями. Когда поняла, что это бланк заключения ДНК-анализа, вдруг испугалась. Быстро закрыла папку и, зажмурившись, откинулась на спинку сиденья.

Аверин чихать хотел на чьи-то чувства, и если ему понадобится поставить ее перед фактом, то он это сделает. Так в этом кроется причина его скрытой ярости?

– Ты умеешь читать силой мысли? – послышалось с водительского места язвительное, и она открыла глаза.

– Здесь темно, – ответила сдержанно, – слишком мелкий текст.

– Дать фонарик? У меня есть налобный. Вон там посмотри в бардачке.

Оля не удостоила его ответом и поднесла лист поближе к глазам.

– Можно вслух, – разрешил Аверин, – только с выражением.

– Умник нашелся, – буркнула и принялась читать: – «Основываясь на результатах, полученных при анализе исследованных локусов, биологическое отцовство предполагаемого отца Аверина Константина Марковича в отношении ребенка Виноградовой Анны Константиновны исключается… Близкое патрилинейное родство донора образца с маркировкой «Аверин К.М.» и донора образца с маркировкой «Виноградова А.К.», в рамках проведенного исследования не исключается… Вероятность того, что полученный результат не является следствием случайного совпадения индивидуализирующих признаков неродственных лиц, составляет 99,9 %».

– И что это означает, знаешь? – спросил Аверин Олю, которая недоверчиво вглядывалась в прыгающие строчки.

– Тест может ошибаться, – сипло проговорила, судорожно сглатывая подступивший к горлу ком. – Вы с ней просто одно лицо.

– А разве я говорил, что мы с ней чужие люди? – выгнул он бровь, и она вспыхнула.

– Значит ты испортил мне свидание только для того, чтобы показать какие-то сомнительные результаты теста?

– Почему сомнительные?

– Откуда я знаю, где ты его делал? С твоими способностями ты в состоянии нарисовать любое заключение.

– Главное бюро судмедэкпертизы министерства охраны здоровья для тебя не авторитет?

Ольга внимательно вчиталась в название медучреждения на печатях. В самом деле, министерство…

– А что касается твоего свидания, – теперь уже Аверин с трудом сдерживал раздражение, – чтобы я никаких Голубых возле тебя больше не видел. Можешь сама ему сказать, можешь доверить это мне.

– Тебе-то что? – буркнула она, возвращая папку на место. – Я с тобой на свидания не хожу, значит могу ходить, с кем захочу.

– Вот именно, – в тон ей сказал Аверин, – раз со мной не ходишь, то с другими тем более не пойдешь. Или придется мне им всем порчу их же яйцами выкатывать.

Оля отвернулась, чтобы не рассмеяться. Ну что за невозможный человек! И тут же спохватилась:

– Надо геолокацию отключить! Правильно мне твоя бывшая посоветовала.

– Какая еще бывшая? – поморщился Костя.

– Лия.

– Лия? Лидия, ты хотела сказать?

– Я вообще ничего не хотела, Аверин, не хватало мне еще, чтобы твои бабы ко мне на смотрины ходили. Кстати, они объединились в группу в соцсети, знаешь, как назвали? «Оставь надежду, всяк сюда входящий»

– Вот сучки, – теперь пришла очередь Аверина прятать улыбку.

– А знаешь, мне не смешно, – смешного и правда было мало. – Давай-ка разворачивай свой танк и вези меня обратно. Результат теста я увидела, и если ты думаешь, что я умираю от счастья, то…

На губы легла крепкая сухая ладонь, машина рванула вперед, и Оля с ужасом увидела, как стрелка спидометра переползает отметку в сто пятьдесят

километров в час.

– Я бы нашел твоим губам другое применение, но нас ждут, – сказал Аверин, прищурившись. – Так что держись крепче, милая.

Он вернул руку на руль, и на весь салон грянул «Дым над водой». Отец тоже любил «Deep Purple»…

Скорость Костя сбавил только на самих подступах к городу.

* * *

– Я больше никогда не сяду в твою машину, Аверин, – просипела Ольга, пытаясь унять дрожь в коленках, когда автомобиль въехал в знакомые ворота и остановился у ступенек. Голос сел еще на отметке в сто семьдесят километров в час.

Во дворе стояли несколько машин, такие же огромные, как аверинская. Значит, у него гости? И он привез ее сюда не просто так? Стало тоскливо, будто это вовсе не она полдороги представляла, как вызовет такси и гордо удалится на глазах растерянного Аверина.

Костя ничего не ответил, глянул с усмешкой и первым вышел из машины. Пока она возилась с ремнем безопасности – руки тоже тряслись, – распахнул дверь и легко поднял ее с сиденья.

– Будешь знать, как говорить мне под руку всякую ерунду, – сказал уже без улыбки.

Донес до входа и осторожно поставил на ноги. Оля поспешно поправила одежду, а он уже услужливо открывал перед ней дверь.

Из холла навстречу им ступили трое одинаково огромных парней в костюмах. Аверин кивнул парням и прошел к лестнице, держа Олю за руку.

– У тебя появилась охрана? – спросила, едва за ним поспевая.

– Это не моя, это бизнесмена нашего, – ответил Костя, и она снова почувствовала, как напряглись его мышцы. И не выдержала.

Остановилась, развернула к себе, взяла его лицо в ладони и вгляделась в черные глаза. Сейчас они были похожи на два бездонных колодца.

– Костя, – прошептала, – что случилось? Я тебя таким никогда не видела.

Он замер, прикрыв веки, и Оля совсем не к месту залюбовалась густыми черными ресницами. Аверин повернул голову, потерся щекой о ее руку, прижался губами, а затем, с видимым усилием взял ее за запястья и опустил обе руки вниз.

– Сейчас сама все узнаешь. Пойдем, – снова взял за руку и провел в хорошо знакомую гостиную.

Посреди гостиной в таком же хорошо знакомом кресле сидела Юля Виноградова, перед ней на корточках сидел Клим и смотрел на маленькую девочку, спрятавшую личико на груди у матери. Юлия исподлобья глянула на вошедших, Аверин сильнее сжал руку, и Оля сдавленно охнула.

– Ну, привет, – сказал он хрипло, и это его «Привет» прозвучало совсем неприветливо.

Юля демонстративно отвернулась, Клим сдержанно осадил родственника.

– Не ори, они и так обе перепуганные. Ты лучше вот на это чудо глянь, – он погладил девочку по голове и сказал непривычно ласково:

– Не бойся, манюня, смотри, кто пришел.

Костя подошел к Климу, присел рядом на корточки. Анечка отлипла от матери и повернула к нему испуганную мордашку.

– Туши свет, – пораженно произнес Аверин. Мужчины переглянулись.

– Скажи? – по-мальчишески ухмыльнулся Клим.

– А я ей не верил, – все так же пораженно сказал Костя и зачем-то обернулся к застывшей как изваяние Оле. Затем осторожно приобнял девочку за плечико. – Привет, зайчонок. Тебя Анюта зовут? Давай знакомиться, я твой дядя. Дядя Костя.

– Оля! – воскликнула малышка, вывернулась из-под ладони Аверина и бросилась к Ольге.

Та схватила ее на руки и молча прижала к себе. Ребенок выглядел неважно – сбившиеся пряди, измятое платьице. Ее матушка, к слову, выглядела не лучше. Они что, под забором ночевали?

Огляделась по сторонам и села во второе кресло, усадив Анютку на колени. Та обхватила ладошками ее шею и громко засопела.

Костя с Климом следили за ними с интересом, а когда Юлия повернула голову, Ольга чуть не ахнула. Еще один такой знакомый сверлящий взгляд. Как же она сразу не догадалась?

– Здравствуйте, – буркнула Юлия. Оля беспомощно кивнула в ответ.

– Смотри-ка, голос прорезался, – насмешливо сказал Костя. – А со мной поздороваться не желаешь?

– Она просто тут самая нормальная из вас, – не глядя на него, ответила Виноградова.

– Та-а-ак, – Костя плюхнулся рядом с Юлией в кресло и вытянул ноги. Кресло было достаточно широким, они с Авериным свободно там помещались, когда… Ольга спрятала лицо, наклонившись к девочке, чтобы никто не заметил, как она покраснела. – Ну что, сеструха, давай знакомиться.

– Я не твоя сестра, – враждебно ответила та и отодвинулась как можно дальше к краю кресла.

– Неужели! – выгнул брови Аверин. – А зачем тогда меня искала?

– Дура, потому что, – огрызнулась Юлия.

– Это я и без тебя знаю, – Костя удобнее уселся в кресле и предупредил: – Юлька, не зли меня.

– Что вы ко мне пристали оба? – вскинулась та. – Не собиралась я с вами знакомиться.

– А придется, – отозвался Клим уже далеко неласково, – раз уж ты Аверина.

– Я не Аверина, – сквозь зубы процедила девушка. – Я этого козла знать не желаю.

Костя и Клим снова переглянулись.

– Папаша Марк у нас с тобой, конечно, не подарок, но он не единственный твой родственник, – уже гораздо спокойнее проговорил Костя.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Аватар» – фильм Джеймса Кэмерона, 2009 г.

2

Внутриматочная инсеминация – вспомогательная репродуктивная технология.

3

События из книги «Миллионер против миллиардера».

4

Ареал: в биологии – естественная среда обитания каждого вида животных. В медицине – область естественного распространения возбудителя инфекционного заболевания.

5

Прозопагнозия – когнитивное расстройство, при котором человек не различает лица людей.

6

Шалтай-Болтай – персонаж сказки «Алиса в Зазеркалье», Льюис Кэрролл, 1871 г.

7

Персонаж из книг «Миллионер против миллиардера», «Он тебя не любит», «Найди меня, Шерхан».

Купить: https://tellnovel.com/tocka_tala/moya-ne-na-odnu-noch-beskontraktnaya-lyubov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити